

Жизнь Арсеньева

Книга вторая

I.

Въ тотъ день, когда я покинулъ Каменку, не понимая, что я покинулъ ее навѣки, когда меня везли въ гимназію, — по новой для меня, Чернавской дорогѣ,—я впервые почувствовалъ поэзію забытыхъ большихъ дорогъ, душу отходящей въ прошлое, въ преданье, русской старины. Большія дороги отжидали свой вѣкъ. Отживала и Чернавская. Ея прежнія колеи зарастали травой, старыя ветлы, мѣстами еще стоявшія справа и слѣва вдоль ея просторнаго и пустыннаго полотнища, видъ имѣли одинокій и грустный. Помню одну особенно одинокую и ветхую, ея дуплистый и разбитый грозой остовъ. На ней сидѣлъ, черной головней чернѣлъ большой воронъ, и отецъ сказалъ, очень поразивъ этимъ мое воображенье, что вороны живутъ по нѣскольку сотъ лѣтъ и что, можетъ быть, этотъ воронъ жилъ еще при татарахъ... Въ чемъ заключалось очарованье того, что онъ сказалъ и что я почувствовалъ тогда? Въ ощущеніи Россіи и того, что она моя родина? Въ ощущеніи связи съ былымъ, далекимъ, общимъ, всегда на мгновеніе расширяющимъ нашу душу, наше личное существованіе, жутко и радостно напоминающимъ нашу причастность къ этому общему?

Онъ сказалъ, что этими мѣстами шель когда-то съ низовъ на Москву и по пути до тѣхъ разорилъ нашъ городъ самъ Мамай, а потомъ — что сейчасъ мы будемъ проѣзжать мимо Становой, большой деревни, еще недавно быв-

шей знаменитымъ пригономъ разбойниковъ и особенно прославившейся какимъ-то Митькой, такимъ страшнымъ душегубомъ, что его, послѣ того, какъ онъ наконецъ былъ пойманъ, не просто казнили, а четвертовали. Помню, что какъ разъ въ это время, между Становой и нами, влѣво отъ большой дороги, шель еще никогда не видѣнный мной поѣздъ. Вечерѣло, сзади насъ склонялось къ закату солнце и въ упоръ освѣщало эту быстро обгонявшую насъ, бѣгущую въ сторону города какъ бы заводную игрушку — маленькій, но заносчивый паровозикъ, изъ головастой трубы котораго валилъ назадъ хвостъ дыма, и зеленые, желтые и синіе домики съ торопливо крутящимися подъ ними колесами. Паровозъ, домики, возбуждавшіе желанье пожить въ нихъ, ихъ окошечки, блестяшія противъ солнца, этотъ быстрый и мертвый бѣгъ колесъ — все было очень странно и занято: но хорошо помню, что все же гораздо больше влекло меня другое, то, что рисовалось моему воображенію тамъ, за желѣзной дорогой, гдѣ видѣлись лозины таинственной и страшной Становой. Татары, Мамай, Митька... Несомнѣнно, что именно въ этотъ вечеръ впервые коснулось меня сознанье, что я русскій и живу въ Россіи, а не просто въ Каменкѣ, въ такомъ-то уѣздѣ, въ такой-то волости, и я вдругъ почувствовалъ эту Россію, почувствовалъ ея прошлое и настоящее, ея сложную, огромную жизнь, ея дикія, порой страшныя и все-же чѣмъ-то плѣняющія особенности и свое родство, близость съ ней...

II.

Вообще очень русское было все то, среди чего жилъ я въ мои ранніе годы.

Вотъ хотя бы эта Становая. Впослѣдствіи я, конечно, много разъ бывалъ въ Становой и вполне убѣдился, что уже давно нѣтъ въ ней никакихъ разбойниковъ. Однако никогда не установилось у меня совсѣмъ простаго взгля-

да на нее, все казалось, что недаромъ ея обитатели все еще имѣютъ славу прирожденныхъ злодѣевъ. А затѣмъ — пресловутый Становлянский верхъ. Большая дорога возлѣ Становой спускалась въ довольно глубокой догъ, по нашему, верхъ, и это мѣсто всегда внушало почти суевѣрный страхъ всякому запоздавшему проѣзжему, въ какое-бы время года ни проѣзжалъ онъ ее, и не разъ испыталь въ молодости этотъ чисто русскій страхъ и я самъ, проѣзжая подъ Становой. Много было на Чернавскомъ трактѣ славныхъ мѣстъ, — такихъ, гдѣ когда-то, въ свой завѣтный часъ, изъ разныхъ потаенныхъ буераковъ и водомоинъ, выходили подъ дорогу добрые молодцы, чуткимъ ухомъ слышавъ въ ночной тишинѣ дальній плачь колокольчика или стукъ простыхъ телѣгъ; но Становлянский верхъ славился громче всѣхъ. Ночью возлѣ него всегда невольно замирала душа, и неизвѣстно, что было хуже: гнать-ли лошадей во весь опоръ или вести ихъ шагомъ, ловя малѣйшій звукъ? Все представлялось: глядь, а они и вотъ они — не снѣша идутъ наперерѣзъ тебѣ, съ топориками въ рукахъ, туго и низко, по самымъ кострецамъ подтянутые, съ надвинутыми на зоркіе глаза шапками, и вдругъ останавливаются, негромко и преувеличенно-спокойно приказываютъ: «Постой-ка на минутку, купецъ . . . » И что было страшнѣй: услышать ихъ приказъ въ мирномъ безмолвіи, въ тихомъ сумракѣ лѣтнихъ ночныхъ полей, или сквозь шумъ зимняго вѣтра, слѣпящаго бѣлой вьюгой, или подъ осенними ледяными и острыми звѣздами, въ полусвѣтѣ которыхъ далеко видна чернѣющая окрестъ мертвая земля, и такъ страшно грохочутъ твои собственные колеса по застывшей, какъ камень, дорогѣ?

Послѣ Становой большую дорогу пересѣкало шоссе, и тутъ была застава, шлагбаумъ: тутъ нужно было останавливаться и ждать, пока николаевскій солдатъ, выйдя изъ полосатой будки, освободить такую же полосатую перекладину, и она, звеня цѣпью, медленно потянется оголовкомъ вверхъ (за что нужно было платить казнѣ двѣ

копейки даня, которую всё проѣзжіе почитали деннымъ грабежомъ). Эта будка, эта перекладина, ихъ траурная полосоватость, столѣтній солдатъ съ огромными сѣрыми баками, на разбитыхъ, растоптанныхъ ногахъ — это была Русь сравнительно недавняя, гоголевскихъ, пушкинскихъ временъ. Зато дальше времена опять мѣшались: дорога шла сперва вдоль Бѣглой Слободы, снабжавшей городъ рабочими (мукомолами, кожевниками) и боясками, одинаково славными какъ непомѣрной грубостью, такъ и неслыханнымъ мастерствомъ въ матерной брани, потомъ мимо необозримаго болота нечистотъ, имѣвшаго совершенно непристойное названіе, и наконецъ по шоссе между новымъ зданіемъ острога и древнимъ монастыремъ. Самый городъ тоже гордился своей древностью и имѣлъ на то полное право: онъ и впрямь былъ и есть одинъ изъ самыхъ древнихъ русскихъ городовъ, лежитъ среди великихъ черноземныхъ полей Подстепья на той роковой чертѣ, за которой нѣкогда простирались «земли дикія, незнаемая», а во времена княжествъ Суздальскаго и Рязанскаго принадлежать къ тѣмъ важнѣйшимъ оплотамъ Руси, что, по слову лѣтописцевъ, первые вдыхали бурю, пыль и холодъ изъ-подъ грозныхъ азіатскихъ тучъ, то и дѣла заходившихъ надъ нею, первые видѣли зарева страшныхъ ночныхъ и дневныхъ пожаровъ, ими запалюемыхъ, первые давали знать Москвѣ о грядущей бѣдѣ и первые ложились костью за нее. Въ свое время онъ, конечно, не разъ пережилъ все, что полагается: въ такомъ-то вѣкѣ его «до тла разорить» одинъ ханъ, въ такомъ-то другой, въ такомъ-то третій, когда-то «опустошилъ» его великій пожаръ, тогда-то голодъ, тогда-то моръ и трусь... Вещественныхъ историческихъ памятниковъ онъ при такихъ условіяхъ, конечно, не могъ сохранить. Но старина въ немъ все же очень чувствовалась, сказывалась въ крѣпкихъ нравахъ купеческой и мѣщанской жизни, въ озорствѣ и кулачныхъ бояхъ его слобожанъ, то есть жителей Черной Слободы, Зарѣчья, Абрамачи, стоявшей надъ рѣчкой на

тѣхъ желтыхъ скалахъ, которыя поразили меня въ младенчествѣ, и съ которыхъ будто бы сорвался нѣкогда вмѣстѣ со своимъ аргамакомъ какой-то татарскій князь. А какой пахучій былъ этотъ городъ! Чуть не отъ заставы, откуда уже хорошо виденъ былъ онъ со всѣми своими несмѣтными церквами, блестящими вдали въ огромной низменности, уже постепенно пахло: сперва болотомъ съ непристойнымъ названьемъ, потомъ кожевными заводами, потомъ желѣзными крышами, нагрѣтыми солнцемъ, потомъ Щепной площадью, гдѣ въ базарные дни станомъ стояли съѣзжавшіеся на торгъ мужики, а тамъ уже и не разберешь чѣмъ: всѣмъ, что только присуще старому и богатому русскому городу...

III.

Въ гимназіи я пробылъ четыре года, живя нахлѣбникомъ у мѣщанина Ростовцева, то есть въ мелкой и бѣдной средѣ: попасть въ иную среду я не могъ, богатые горожане въ нахлѣбникахъ не нуждались.

Какъ ужасно было начало этой жизни! Уже одно то, что это былъ мой первый городской вечеръ, первый послѣ разлуки съ отцемъ и матерью, первый въ полномъ одиночествѣ да еще въ совершенно новой и убогой обстановкѣ, въ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ, въ средѣ до нелѣпости чужой и чуждой мнѣ, съ людьми, которыхъ я, барчукъ, считалъ, конечно, очень низкими и которые однако вдругъ приобрѣли даже нѣкоторую власть надо мной, — уже одно это было ужасно. У Ростовцевыхъ былъ и другой нахлѣбникъ, мой сверстникъ и одноклассникъ, незаконный сынъ одного батуринскаго помѣщика, рыжій мальчикъ Глѣбочка; но между нами не было въ тотъ вечеръ еще никакихъ отношеній, онъ дико сидѣлъ въ углу, какъ звѣрекъ, попавшій въ клетку, дико и упорно молчалъ, со звѣриной недовѣрчивостью поглядывая на меня исподлобья, да и я не смѣшилъ навязываться въ дружбу

къ нему — между прочимъ и по той причинѣ, что онъ казался мнѣ не совсѣмъ обыкновеннымъ мальчикомъ, отъ котораго, можетъ, надо было держаться подалше: я еще въ Каменкѣ зналъ, что онъ будетъ жить вмѣстѣ со мной. и однажды слышалъ, какъ нехорошо назвала его наша нянька, разумѣя его незаконное происхожденье. А на дворѣ, какъ нарочно, было сумрачно, къ вечеру стало накрапывать, безконечная каменная улица, на которую я смотрѣлъ изъ окошечка, была мертва, пуста, а на полуголомъ деревѣ за заборомъ противоположнаго дома, горбясь и натуживаясь, не обѣщая ничего добраго, каркала ворона, на высокой колокольнѣ, поднимавшейся вдаль за желѣзными пыльными крышами въ ненастнос темнѣющее небо, каждую четверть часа нѣжно, жалостно и безнадежно пѣло и играло что-то . . . Отецъ въ такой вечеръ тотчасъ закричать бы зажегъ огонь, подать самоваръ или прежде времени накрывать на столъ къ ужину, — «терпѣть не могу этого чертоваго унынія!» Но тутъ огня не зажигали до позднихъ сумерокъ, за столъ когда попало не сажались, — тутъ на все знали свой часъ и срокъ. Такъ было и теперь: огонь зажгли, когда уже совсѣмъ стемнѣло и воротился изъ города хозяинъ. Это былъ высокій, стройный человекъ съ правильными чертами смуглаго лица и сухой черной бородой, кое-гдѣ тронутой серебристыми волосами, чрезвычайно скупой на слова, неизмѣнно требовательный и назидательный, на все имѣвшій и для себя, и для другихъ твердыя правила, какой-то «не нами, глупцами, а нашими отцами и дѣдами» разъ навсегда выработанный уставъ благопристойной жизни, какъ домашней, такъ и общественной. Онъ занимался тѣмъ, что скупать и перепродавалъ хлѣбъ, скотину, и потому часто бывалъ въ разъѣздахъ. Но даже и тогда, когда онъ отсутствовалъ, въ его домѣ, въ его семьѣ (состоявшей изъ миловидной и спокойной жены, двухъ тихихъ отроковицъ съ голыми круглыми шейками и шестнадцатилѣтняго сына) неизмѣнно царило то, что было установлено его суровымъ и бла-

городнымъ духомъ: безмолвіе, порядокъ, дѣловитость, предопредѣленность въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ словѣ... Теперь, въ эти грустныя сумерки, хозяйка и дѣвочки, сидя каждая за своимъ рукодѣльемъ, тихо, но стойко ждали его къ ужину. И какъ только стукнула наружи калитка, у всѣхъ у нихъ тотчасъ же слегка сдвинулись брови.

— Маша, Ксения, накрывайте, --- негромко сказала хозяйка и, поднявшись съ мѣста, пошла въ кухню

Онъ вошелъ, спокойно нахмуренный, снялъ въ маленькой прихожей картузь и чуйку и остался въ одной легкой сѣрой поддевкѣ, которая вмѣстѣ съ вышитой косовороткой и ловкими опойковыми сапогами особенно подчеркивала его русскую ладность. Сказавъ что-то сдержанно-привѣтливое женѣ, онъ тщательно вымылъ и туго отжалъ, встряхнуть руки подъ мѣднымъ рукомыльникомъ, висѣвшимъ надъ лоханью въ кухнѣ. Ксюша, младшая дѣвочка, погупивъ глаза, подала ему чистое длинное полотенце. Онъ неспѣша вытеръ руки, съ сумрачной усмѣшкой кинулъ полотенце ей на голову, — она при этомъ радостно вспыхнула, — и, войдя въ комнату, нѣсколько разъ точно и красиво перекрестился и поклонился на образничку въ уголь...

Первый мой ужинъ у Ростовцевыхъ гоже крѣпко запомнился мнѣ — и не потому только, что состоялъ онъ изъ очень странныхъ для меня кушаній. Подавали сперва похлебку, потомъ, на деревянномъ кругѣ, сѣрые шершавые рубцы, одинъ видъ и запахъ которыхъ повергъ меня въ трепетъ и которые хозяйинъ крошилъ, рѣзалъ, беря прямо руками, къ рубцамъ — соленый арбузь, а подъ конецъ гречишный крупень съ молокомъ. Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что, такъ какъ я ѣлъ только похлебку и арбузь, хозяйинъ раза два слегка покосился на меня, а потомъ сухо сказалъ:

— Надо ко всему привыкать, бабчукъ Мы люди про-

стые, русскіе, ѣдимъ пряники неписанные, у насъ разнословъ нѣту . . .

И мнѣ показалось, что послѣднія слова онъ произнесъ почти надменно, особенно полноувѣсно и внушительно, — и тутъ впервые пахнуло на меня тѣмъ, чѣмъ я такъ крѣпко надышался въ городѣ впоследствии: гордостью.

IV.

Гордость въ словахъ Ростовцева звучала вообще весьма не рѣдко. Гордость чѣмъ? Тѣмъ, конечно, что мы, Ростовцевы, русскіе, подлинныя русскіе, что мы живемъ той совсѣмъ особой, простой, съ виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нѣтъ и не можетъ быть, ибо вѣдь скромна-то она только съ виду, а на дѣлѣ обильна, какъ нигдѣ, и вообще есть порожденіе исконнаго духа Россіи, а Россія богаче, сильнѣй, праведнѣй и славнѣй всѣхъ странъ въ мірѣ. Да и одному ли Ростовцеву присуща была эта гордость? Впоследствии я увидаль, что очень и очень многимъ, а теперь вижу и другое: то, что была она тогда даже нѣкоторымъ знаменіемъ времени, чувствовалась въ ту пору особенно и не только въ одномъ нашемъ городѣ.

Куда она дѣвалась позже, когда Россія гибла? Какъ не отстояли мы всего того, что такъ гордо называли мы русскимъ, въ силѣ и правдѣ чего мы, казалось, были такъ увѣрены? Какъ бы то ни было, знаю точно, что я росъ во времена величайшей русской силы и огромнаго сознанья ея. Поле моихъ отроческихъ наблюденій было весьма нешироко, и однако то, что я наблюдалъ тогда, было, повторяю, показательно. Да, впоследствии я узналъ, что далеко не одинъ Ростовцевъ говорить въ такомъ родѣ, то и дѣло слышалъ эти мнимо-смиранныя рѣчи, — мы, молъ, люди сѣрые, у насъ самъ государь Александръ Александровичъ въ смазныхъ сапогахъ ходить, — а теперь не сомнѣваюсь, что онѣ были весьма характерны не только для

нашего города, но и вообще для тогдашнихъ русскихъ чувствъ. Въ проявленіяхъ этихъ чувствъ было, конечно, много и наиграннаго, показнаго. — какъ, напримѣръ, играла каждая чуйка на каждомъ перекресткѣ, завидѣвъ въ пролѣтъ улицы церковь, снимая картузь, крестясь и чуть не до земли кланяясь; съ ролей, конечно, то и дѣло срывались, слова часто не вязались съ жизнью, одно чувство нерѣдко смѣнялось другимъ, противоположнымъ; но что все-таки преобладало?

Ростовцевъ сказалъ однажды, указывая на оконный косякъ, гдѣ были сдѣланы имъ какія-то помѣтки мѣломъ:

— Что намъ векселя! Не русское это дѣло. Вотъ въ старину ихъ и въ поминѣ не было, записывалъ торговый человѣкъ, кто сколько ему долженъ, вотъ вродѣ этого, простымъ мѣлкомъ на притолкѣ. Пропустилъ должникъ срокъ въ первый разъ, торговый человѣкъ вѣжливо на номиналь ему о томъ. Пропустилъ другой — остерегалъ: ой, моль, смотри, не забудь и въ третій разъ, а то возму да и сотру свою помѣтку. Тебѣ, моль, тогда дуже стыдно будетъ!

Такихъ, какъ онъ, конечно, было мало. По роду своихъ занятій онъ былъ «кулакъ», но кулакомъ себя, понятно, не считалъ да и не долженъ былъ считать: справедливо называлъ онъ себя просто торговымъ человѣкомъ, будучи совсѣмъ не чета не только прочимъ кулакамъ, но и вообще очень многимъ нашимъ горожанамъ. Онъ, случилось, заходилъ къ намъ, своимъ нахлѣбникамъ, и порой вдругъ спрашивалъ, чуть усмѣхаясь:

— А стихи вамъ нынче задавали?

Мы говорили:

— Задавали.

— Какіе же?

Мы бормотали:

— «Небо въ часъ дозора — обходя луна — свѣтитъ сквозь узора — мерзлаго окна . . .»

— Ну, это что-й-то не складно, — говорилъ онъ. —

«Небо въ част дозоръ обходя луна» — я этого что-й-то не понимаю.

Не понимали и мы, ибо почему-то никогда не обращали вниманья на запятую послѣ слова «обходя». Выходило дѣйствительно нескладно. И мы не знали, что сказать, а онъ опять спрашивалъ:

— А еще?

— А еще «тѣнь высокаго стараго дуба голосистая птичка любила, на вѣтвяхъ, переломанныхъ бурей, она кровь и покой находила . . . »

— Ну, это ничего, пріятно, мило. А вотъ вы прочитайте энти — про всенощную и «подъ большимъ шатромъ». И я смущенно начиналъ:

«Приди ты, немощный, приди ты, радостный, звонять ко всенощной, къ молитвѣ благостной . . . »

Онъ слушалъ и съ тихой усмѣшкой закрывалъ глаза. Потомъ я читалъ Никитина: «Подъ большимъ шатромъ голубыхъ небесъ, вижу, даль степей разстилается . . . » Это было широкое и восторженное описаніе великаго простора, великихъ и разнообразныхъ богатствъ, силъ и дѣлъ Россіи. И когда я доходилъ до гордаго и радостнаго конца, до разрѣшенья этого описанія: «Это ты, моя Русь державная, моя родина православная!» — Ростовцевъ сжималъ челюсти и блѣднѣлъ.

— Да, вотъ это стихи! — говорилъ онъ, открывая глаза, стараясь быть спокойнымъ, поднимаясь и уходя. — Вотъ это надо покрѣпче учить! И вѣдь кто писалъ-то? Нашъ братъ мѣщанинъ, землякъ нашъ!

Прочіе «торговые люди» нашего города, и большіе и малые, были, повторяю, не Ростовцевы, чаще всего только на словахъ были хороши: не мало въ своемъ дѣлѣ они просто разбойничали, «норовили содрать съ живого и мертваго», обмѣривали и обвѣшивали, какъ послѣдніе жулики, лгали и облыжно клялись безъ всякаго стыда и совѣсти, жили грязно и грубо, злословили другъ на друга, чванились другъ надъ другомъ, дышали другъ къ дру-

гу недоброжелательствомъ и завистью походя, надъ дураками и дурочками, калѣками и юродивыми, которыхъ въ городѣ шлялось весьма порядочно, потѣшались съ ужасной безсердечностью и низостью, на мужиковъ смотрѣли съ величайшимъ и ничуть не скрываемымъ презрѣніемъ, «объсгоривали» ихъ съ какой-то бѣсовской удалью, ловкостью и веселостью. Да не очень святы были и другіе сограждане Ростовцева, -- всѣмъ извѣстно, что такое былъ и есть русскій чиновникъ, русскій начальникъ, русскій обыватель, русскій мужикъ, русскій рабочій. Но вѣдь были же у нихъ и достоинства. Что же до гордости Россіей и всѣмъ русскимъ, то ея было, еще разъ говорю, даже въ излишествѣ. И не одинъ Ростовцевъ могъ гордо поблѣднѣть тогда, повторяя восклицаніе Никитина: «Это ты, моя Русь державная!» — или говоря про Скобелева, про Черняева, про Царя - Освободителя, слушая въ соборѣ изъ громовыхъ устъ златовласаго и златоризнаго діакона поминовеніе «благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго Государя нашего Александра Александровича» — и почти съ ужасомъ прозрѣвая вдругъ, надъ какимъ дѣйствительно необъятнымъ царствомъ всяческихъ странъ, племенъ, народовъ, надъ какими несмѣтными богатствами земли и силами жизни, «мирнаго и благоденственнаго житія», висится русская корона . . .

V.

Начало моей гимназической жизни было столь ужасно, какъ я даже ожидать не могъ. Первый городской вечеръ былъ таковъ, что мнилось: все кончено! Но, можетъ, еще ужаснѣе было то, что вслѣдъ за этимъ очень быстро покорился я судьбѣ, и жизнь моя стала довольно обычной гимназической жизнью, если не считать моей не совсѣмъ обычной впечатлительности. Утро, когда мы съ Глѣбочкой въ первый разъ пошли въ гимназію, было солнечное, и уже этого одного было достаточно, чтобы мы повеселѣ-

ли. Кромѣ того, какъ нарядны мы были! Все съ иголочкѣ, все прочно, ловко, все радуеть. расчищенные сапожки, свѣтло-сѣрое сукно панталонъ, синіе мундирчики съ серебряными пуговицами, синіе блестящіе картузики на чистыхъ стриженныхъ головкахъ, скрипящіе и пахнущіе кожей ранцы, въ которыхъ лежатъ только вчера купленные учебники, пеналы, карандаши, тетради . . . А потомъ—рѣзкая и праздничная повизна гимназіи: чистый каменный дворъ ея, сверкающія на солнцѣ стекла и мѣдныя ручки входныхъ дверей, чистота, просторъ и звучность выкрашенныхъ за лѣто свѣжей краской коридоровъ, свѣтлыхъ классовъ, залъ и лѣстницъ, звонкій гамъ и крикъ несмѣтной юной толпы, съ какимъ то сугубымъ возбужденіемъ вновь вторгшейся въ нихъ послѣ лѣтней передышки, чинность и торжественность первой молитвы передъ ученіемъ въ огромной сборной залѣ, первый разводъ «по-парно и въ ногу» по классамъ, — ведетъ и, командуя, бойко маршируетъ впереди настоящий военный, отставной капитанъ, — первая драка при захватѣ мѣстъ на партахъ и наконецъ первое появленіе въ классѣ учителя, его фрака съ журавлинымъ хвостомъ, его толстыхъ сверкающихъ очковъ, близорукихъ, какъ бы изумленныхъ глазъ, поднятой бороды и портфеля подъ мышкой . . . Черезъ нѣсколько дней все это стало такъ привычно, словно иной жизни и не было никогда. И побѣжали дни, недѣли, мѣсяцы . . .

Учился я легко; хорошо только по тѣмъ предметамъ, которые болѣе или менѣ нравились, по остальнымъ — посредствомъ, отдѣлываясь своей способностью быстро все схватывать, кромѣ чего-нибудь ужъ очень ненавистнаго, вродѣ аористовъ. Три четверти того, чему насъ учили, было, конечно, ровно ни на что намъ не нужно, не оставило въ насъ ни малѣйшаго слѣда и преподавалось тупо, казенно, то есть такъ, какъ почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ по всему земному шару, изъ столѣтія въ столѣтіе. Большинство нашихъ учителей были люди сѣрые, незначительные, среди нихъ выдѣлялось нѣсколько чудаковъ,

надъ которыми, конечно, въ классахъ всячески потѣнялись, и два-три настоящихъ сумасшедшихъ. Одинъ изъ нихъ былъ замѣчательнъ: онъ страдалъ боязнью близости жизни, съ великимъ трудомъ ѣлъ, пилъ, разговаривалъ, боясь людского дыханья, прикосновенья, ходилъ всегда по срединѣ улицы, въ гимназiи, снявъ перчатки, тотчасъ вынималъ носовой платокъ, чтобы только черезъ него братья за дверную ручку, за стулъ передъ каедрой; онъ былъ маленькiй, щуплый, съ великолѣпными, закинутыми назадъ каштановыми кудрями, съ чудеснымъ бѣлымъ лбомъ, съ удивительно тонкими чертами блѣднаго лица и недвижными, темными, куда-то въ пустоту, въ пространство печально и тихо устремленными глазами. Можно себѣ представить, какъ бѣлоснѣжно было его бѣлье, какъ не терпѣлъ онъ ни малѣйшей пушинки на своемъ фракѣ, какъ сияли ногти его молочно-голубыхъ рукъ — и до чего странно былъ онъ въ нашемъ городѣ, какой страшно одинокой, сокровенной жизнью жила его вѣчно безмолвная душа!

Что еще сказать о моихъ школьныхъ годахъ? За эти годы я изъ мальчика превратился въ подростка. Но какъ именно совершилось это превращенiе, опять одинъ Богъ вѣдаеть. А внѣшне жизнь моя шла, конечно, буднично, мѣняясь только тогда, когда прiѣзжали въ городъ отецъ съ матерью или когда меня увозили въ Батурино. Все то же хожденье въ классы, все то же грустное и неохотное ученье по вечерамъ уроковъ на завтра, все та же неотступная мечта о будущихъ каникулахъ, все тотъ же счетъ дней, оставшихся до святокъ, до лѣтняго отпуска, — ахъ, если бы поскорѣй мелькали они! — точно такъ ужъ мнѣ хочется даваться намъ дней на землѣ, чтобы ими пошвыриваться... Послѣ каникулъ стало даже прiятно возвращаться въ свою тюрьму. Въ гимназiи все уже знакомо и вмѣстѣ съ тѣмъ опять ново и на первое время интересно: новый классъ, новые учебники, — первая страницы даже въ алгебрѣ эманчивы, — нѣкоторые новые учителя и товарищи... Да-

же-самый городъ, его оживленье, его улицы, церкви, магазины, базары, его звуки и запахи уже стали приятно волновать при въздѣ въ него послѣ деревни.

Въ общемъ жилъ я эти годы печально: вѣчное чувство неволи, одиночества, тайное сознание, что убиваешь дни и силы на что-то совершенно ненужное, въ средѣ грубой и тяжелой для чувствительной юной души... А изъ чего складывалось это общес?

VI.

Вотъ сентябрь, погожій, ясный вечеръ. Я брожу по городу, — меня не смѣютъ сажать учить уроки и драть за уши, какъ Глѣбочку, который становится все озлобленнѣй и поэтому все лѣнивѣй и упрямѣе. Въ душѣ грусть о промелькнувшемъ лѣтѣ, которое, казалось, будетъ безконечнымъ и сулило осуществленіе тысячи самыхъ чудесныхъ плановъ, грусть своей отчужденности отъ всѣхъ, кто идетъ, ѣдетъ по улицѣ, торгуетъ на базарѣ, стоитъ въ рядахъ возлѣ лавокъ... У всѣхъ свои дѣла, свои разговоры, всѣ живутъ своей привычной жизнью взрослыхъ людей, — не то, что одинокій и грустный гимназистъ, еще не принимающій въ ней того простого и здороваго участія, которое принимаютъ они въ этотъ ясный и спокойный вечеръ, полный всяческаго осенняго изобилія, осенняго довольства. Смутно и пріятно чувствуется только оно, это довольство, то, что городъ ломится отъ своего богатства и многолюдства: онъ и такъ богатъ, круглый годъ торгуетъ съ Москвой, съ Волгой, съ Ригой, Ревелсмъ, теперь же и того богаче — съ утра до вечера везетъ въ него деревня всѣ свои урожаи, съ утра до вечера идетъ по всему городу ссыпка хлѣба, базары и площади завалены цѣлыми горами всякихъ плодовъ земныхъ. То и дѣло встрѣчаешь мужиковъ, которые сиѣшагъ по срединѣ улицы съ громкимъ говоромъ довольныхъ, отдыхающихъ людей, обдѣлавшихъ наконецъ всѣ свои городскія дѣла, все, что нуж-

но, продавшихъ и купившихъ, уже дернувшихъ по шкалику и теперь, на ходу, по дорогѣ къ своимъ телѣгамъ, закусывающихъ «подрукавничкомъ» Съ оживленнымъ говоромъ идутъ по тротуарамъ и тѣ, что весь день обрабатывали этихъ мужиковъ, — загорѣлые, запыленные, вѣчно бодрые мѣщане-перескупщики, съ утра выходящіе за городъ навстрѣчу мужикамъ, другъ у друга ихъ перебивающіе и потомъ разводящіе за собой по базарамъ и лабазамъ; они тоже отдыхаютъ теперь, направляются по трактирамъ попить чайку. А прямая, какъ стрѣла, Долгая улица, ведущая вонъ изъ города, къ острогу и монастырю, тонетъ въ пыли и слѣпящемъ блескѣ солнца, заходящаго какъ разъ въ концѣ ея пролета, и въ этомъ пыльномъ золотѣ течетъ потокъ идущихъ и ѣдущихъ, возвращающихся съ рысистыхъ бѣговъ, которыми тоже знаменитъ нашъ городъ, — и сколько тутъ франтовъ изъ всякихъ писцовъ и приказчиковъ, сколько барышень, разряженныхъ точно райскія птицы, сколько шегольскихъ шарабановъ, въ которыхъ красуются передъ пародомъ толстозадыя купчики, сидя рядомъ со своими молодыми женами и сдерживая своихъ рысачковъ! А въ соборѣ звонятъ ко всенощной, надъ городомъ музыкально плаваютъ важный и мѣрный гулъ, и бородатые, степенные кучера везутъ въ тяжелыхъ и покойныхъ коляскахъ, на воронихъ раскормленныхъ лошадахъ, старыхъ купчихъ съ восковыми свѣчами въ рукахъ, поражающихъ или желтой нухлостью и обиліемъ драгоценностей, или гробовой бѣлизной и худобой . . .

Вотъ «табельный» день, обѣдя въ соборѣ, осеннее солнечное утро. Во всемъ городѣ чувствуется напряженная торжественность. Нашъ капитанъ, передъ тѣмъ какъ вести насъ, собравшихся во дворъ гимназіи, осматриваетъ на насъ каждую пуговицу. Учителя въ мундирахъ, въ орденахъ, въ треуголкахъ. Идя по улицамъ, мы съ удовольствіемъ чувствуемъ, что прохожіе смотрятъ на насъ какъ на что-то казенное, полувоенное, принимающее не-

посредственное участіе во всемъ томъ парадѣ, которымъ долженъ быть ознаменованъ этотъ день. Къ собору отовсюду сходягся и сѣзжаются другія «вѣдомства», то есть опять мундиры, ордена, треуголки, жирныя эполеты. Чѣмъ ближе соборъ, тѣмъ звучнѣе, тяжеле, гуще и торжественнѣе гулъ соборнаго колокола. Но вотъ и иапертъ — «шапки долой!» — и, тѣснясь, разстранвая ряды, мы вступасмъ въ прохладное величіе широко раскрытаго портала, и тысячепудовый звонъ реветъ и гудитъ уже глуше, надъ самой головой, широко и близостно-строга встрѣчая, принимаю и покрывая тебя. А въ соборѣ какое многолюдство, какое грузное великолѣіе залитаго сверху до низу золотомъ иконостаса, золотыхъ лизъ причта, горящихъ чаникадилъ, пылающихъ свѣчей, всякаго чина, тѣснящагося возлѣ ступеней амвона, устланнаго краснымъ сукномъ! Для отороческаго сердца было все это нелегко: голова мутилась отъ длительности и пышности службы, отъ этихъ чтеній, кажденій, выходовъ и выносовъ, отъ зычнаго грома басовъ и сладкихъ альтовыхъ замираній на клиросѣ, изысканно шегстающею то мощью, то нѣжностью, отъ горячей и жуткой плотности большихъ тѣлъ, со всѣхъ сторонъ надвинувшихся на тебя, отъ вида до ужаса скованной своимъ короткимъ мундиромъ и серебрянымъ поясомъ кабаней туши полиціймейстера, возвышающагося прямо надъ тобою . . .

По вечерамъ въ такіе дни городъ багрово пылалъ, дымился и вонялъ площадками, разставленными по тротуарамъ, дома, украшенные флагами, горѣли въ темнотѣ огненно-сквозными вензелями и коронами, — это, среди моихъ первыхъ городскихъ впечатлѣній, одно изъ самыхъ памятныхъ. Тогда въ городѣ всегда бывало большое гулянье. И вотъ сынъ Ростовцева, — онъ былъ тоже гимназистъ, шестиклассникъ, — однажды взялъ насъ съ Глѣбочкой на такое гулянье въ городской садъ, и меня поразила несмѣтная, отъ тѣсноты медленно двигающаяся по главной аллеѣ толпа, пахнувшая пылью и дешевыми духа-

ми, межъ тѣмъ какъ въ концѣ аллеи, въ сіяющей цвѣтными шкаликами раковинѣ, томно разливался вальсомъ, рывчатъ и гремѣлъ во всѣ свои мѣдныя трубы и литавры военный оркестръ. Ростовцевъ въ этой аллеѣ вдругъ остановился, лицомъ къ лицу столкнувшись съ хорошенькой барышней, шедшей навстрѣчу намъ съ подругами, и, покраснѣвъ, шутя щелкнулъ каблуками и отдалъ ей честь, а она вся озарилась подъ своей затѣйливой шляпкой откровенно-радостной улыбкой. Передъ раковиной, на площадкѣ, билъ среди большого цвѣтника, орошая его прохладнымъ водянымъ дымомъ, раскидистый фонтанъ, и мнѣ навѣки запомнилась его свѣжесть и прохладный, очаровательный запахъ обрызганныхъ имъ цвѣтовъ, которые, какъ я узналъ потомъ, назывались просто «табакъ»: запомнились потому, что этотъ запахъ соединился у меня съ чувствомъ влюбленности, которой я впервые въ жизни былъ сладко боленъ нѣсколько дней послѣ того. Это благодаря ей, этой милой, простодушной барышнѣ, я и до сихъ поръ не могу безъ волненья слышать запахъ табака, а она и понятія не имѣла никогда обо мнѣ и о томъ, что я всю жизнь вспоминалъ отъ времени до времени и ее, и свѣжесть фонтана, и звуки военной музыки, какъ только слышалъ этотъ запахъ... Гдѣ то она теперь? До сихъ поръ вижу ее все той-же, какой она была въ тотъ вечеръ, полвѣка тому назадъ, чувствую къ ней что-то благодарное и то, что мы съ ней чѣмъ-то какъ будто связаны...

VII.

А вотъ и первые холода: скудные, свинцовые, спокойные дни поздней осени. Городъ затихъ, опустѣлъ, вставилъ въ окна зимнія рамы, тонить печи, тепло одѣлся, запасается на зиму всѣмъ, чѣмъ полагается, съ удовольствіемъ чувствуя уже зимній уютъ и тотъ старый, наследственный бытъ, которымъ онъ живетъ столѣтія, — повторяемость временъ года и обычаевъ.

Гуси летятъ, — съ удовольствіемъ говорить Ростовцевъ, входя въ домъ въ теплой чуйкѣ и теплою картузѣ и внося съ собой прохладу, зимній воздухъ. — Сейчасъ цѣлый косякъ видѣлъ... Купилъ у мужика два воза капусты, прими, Любовь Андревна, сейчасъ привезетъ. Заглядѣнье капуста, качанъ къ качану...

И на душѣ у меня дѣлается хорошо и такъ грустно, грустно. Я оставляю Вальтеръ Скотта, котораго взялъ читать изъ гимназической бібліотеки, и задумываюсь, — мнѣ хочется понять и выразить что-то происходящее во мнѣ. Я уже родственно чувствую городъ, мысленно вижу, осматриваю его. Тамъ, на вывздѣ, древній мужской монастырь. . всѣ говорятъ, что въ немъ, въ каждой кельѣ, у каждаго монаха, всегда есть за образомъ и водочка, и колбаска. Глѣбочку очень занимасть, носятъ-ли монахи подъ рясами штаны, я-же, думая о монастырѣ, вспоминаю то болѣзненно-восторженное время, когда я постился, молился, хотѣлъ стать святымъ, а кромѣ того почему-то томлюсь мыслью о его старинѣ, о томъ, что когда-то его не разъ осаждали, брали приступомъ, жгли и грабили татары: я въ этомъ чувствую что-то прекрасное, что мнѣ мучительно хочется понять и выразить въ стихахъ, въ поэтической выдумкѣ. Затѣмъ, если идти отъ монастыря въ городъ по Долгой улицѣ, то вгѣво будутъ бѣдныя и грязныя улицы, спускающіяся къ оврагамъ, къ зловонному притоку нашей рѣки, въ которомъ мочать, гноять кожи: онъ мелкій, дно его все завалено ихъ черными пластами, а по берегамъ лежатъ цѣлыя горы чего-то буро-остро и пряно воняющаго, и тянутся черныя сквозныя срубы, гдѣ эти кожи сушатъ, и черныя бревенчатая строенія, гдѣ ихъ выдѣлываютъ, гдѣ въ огромномъ количествѣ шумно работаетъ, курить, сквернословить какой-то страшный родъ людей, могучихъ, невѣроятно сальныхъ и грубыхъ. . это очень старинныя мѣста, имъ лѣтъ триста, четыреста, и когда я думаю о нихъ, меня томить желаніе и о нихъ, объ этихъ мерзкихъ мѣстахъ, сказать, выду-

мать что-то чудесное... Дальше, за притокомъ, — Черная Слобода, Аграмача, скалистые обрывы, на которыхъ она стоитъ, и тысячи лѣтъ текущая подъ ними на далекой югъ, къ низовьямъ Дона, рѣка, въ которой погибъ когда-то молодой татарскій князь, будто бы любимый сынъ какого-то славнаго опустошителя русской земли: о немъ тоже очень хочется что-нибудь выдумать и рассказать въ стихахъ; его, говорятъ, покарала чудотворная икона Божьей Матери, и донинѣ пребывающая въ самой старой изъ всѣхъ нашихъ церквей, что стоитъ надъ рѣкой какъ разъ противъ Аграмачи. Тотъ древнѣй образъ, передъ которымъ горятъ неугасимыя лампы и всегда молится на кофѣняхъ какая-нибудь женщина въ темной шали, крѣпко прижавъ щепоть къ лбу и настойчиво и скорбно устремивъ глаза на тускло блистающій въ темломъ лампадномъ свѣтѣ смугло-золотой окладъ, въ отверстіи котораго видна узкая черно-коричневая дощечка правой руки, прижатой къ груди, а немного выше небольшой и такой-же темный средневѣковый Ликъ, смиренно и горестно склоненный къ лѣвому плечу подъ серебрянымъ кружевнымъ, колючимъ вѣнчикомъ въ мелко и разнообразно сверкающихъ алмазахъ, жемчугахъ и рубинахъ... Потомъ я мысленно брожу въ серединѣ города, вижу старыя москательныя и колон альныя лавки, пахнушія имономъ и гвоздикой и напоминающія мнѣ тѣ оплетенныя проводочными сѣтками бугылки, что когда-то привозили отсюда въ Каменку, — и тутъ меня вдругъ охватываетъ страшная нѣжность къ нему, къ матери, къ Баскакову, котораго и такъ любилъ и такъ безсовѣстно забылъ уже... А за рѣкой, за городомъ, широко раскинулось на неоглядной низменности Зарѣчье, видное, какъ и другія окрестности, изъ многихъ городскихъ улицъ, покато сходящихъ къ рѣкѣ: это цѣлый особый городъ, гдѣ много босняковъ, сгачаныхъ, безнабашныхъ людей, и цѣлое желѣзнодорожное царство, гдѣ день и ночь, волнуя тягой въ даль, жуда, куда косяками тянутся теперь подъ сумрачнымъ и холоднымъ

небомъ гуси, требовательно и призывно, грустно и вольно перекликаются въ студеномъ, звонкомъ воздухѣ паровоза, гдѣ стоитъ вокзалъ, тоже волнующій своими запахами, — жареныхъ пирожковъ, самоваровъ, кофе, — смѣшанными съ запахомъ каменноугольнаго дыма, то есть тѣмъ пѣздовъ, что день и ночь расходятся отъ него во все стороны Россіи...

Я помню не мало такихъ дней, скудныхъ, короткихъ, слабо и грустно томившихъ и домашнимъ уютомъ, и мечтаниями о старинѣ города, то о вольныхъ осеннихъ просторахъ, видныхъ изъ него. Безъ конца шли эти дни среди гласной скуки въ гимназіи, гдѣ я насильно узнавалъ все то, что будто бы необходимо знать людямъ, потомъ въ тишинѣ двухъ теплыхъ мѣщанскихъ комнатокъ, спокойствіе которыхъ усугублялъ не только дремотный стукъ будильника на комодѣ Любови Андревны, покрытомъ вязанной скатеркой и украшенной свадебной шкатулкой, но даже мелкій трескъ коклюшекъ подъ руками Мани и Ксюши, весь день сидѣвшихъ за плетениемъ кружевъ, — шли медленно, однообразно и вдругъ сразу обрывались: въ тѣкіе особенно печальные сумерки неожиданно хлопала паружи калитка, потомъ дверь въ сѣнцахъ, дверь въ прихожей, и внезапно на нашемъ порогѣ, озаряя весь домъ свѣтомъ, радостью, появлялся отецъ въ своей мѣховой шапкѣ съ наушниками и распахнувшейся енотовой шубѣ, и я со всѣхъ ногъ кидался ему на шею, впиваясь въ его милыя теплыя губы подъ холодными и влажными съ морозу усами и съ восторгомъ чувствуя: Боже, какъ не похожъ онъ ни на кого во всемъ городѣ, какой онъ совсѣмъ, совсѣмъ другой, чѣмъ все прочіе!

VIII.

Улица, на которой мы жили, шла черезъ весь городъ. Въ данной части она была пуста, безлюдна, состояла изъ каменныхъ купеческихъ домовъ, казавшихся необитаемы-

ми. Зато середина ея была очень оживлена, — тутъ къ ней примыкалъ базаръ и находилось все, что полагается: трактиры, ряды, лучшіе магазины, лучшія гостиницы, между прочимъ, и та, что стояла на углу Долгой, — Дворянская, недаромъ называвшаяся такъ: въ ней останавливались только помѣщики, въ окна ея подвального этажа прохожіе обоняли сладкій ресторанно-кухонный чадъ, видѣли поваровъ въ бѣлыхъ колпакахъ, въ стеклянную же дверь подъѣзда — пологую и широкую лѣстницу, устланную краснымъ сукномъ.

Отецъ въ мои гимназическіе годы переживаетъ свой послѣдній подъемъ, свое послѣднее разореніе: переселившись въ Батурино, заложивъ его и продавъ богатому рождественскому мужику Каменку, — все будто бы съ мудрыми хозяйственными планами, — онъ опять чувствовалъ себя богатымъ бариномъ и поэтому, прѣзжая въ городъ, опять сталъ останавливаться только въ Дворянской, всегда занимая лучшій номеръ. И вотъ, когда онъ прѣзжалъ, я изъ дома Ростовцева сразу попадалъ на два, на три дня совѣмъ въ другой міръ, опять на время становился барчукомъ, которому всѣ улыбались, кланялись — и «рѣзвые» у подъѣзда, и швейцаръ въ подъздѣ, и корридорные, и горничныя, и самъ бритый Михѣичъ въ широкомъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, бывший шереметьевскій крѣпостной, всего когда-то отвѣдавшій на своемъ вѣку, — и Парижа, и Рима, и Петербурга, и Москвы, — а теперь достойно и печально доживавшій свой вѣкъ лакеемъ въ захолустномъ городѣ, въ какой-то Дворянской гостиницѣ, гдѣ даже настоящіе хорошіе господа только притворялись теперь господами, а прочіе были просто «уѣздные моншеры», какъ онъ называлъ ихъ, люди съ преувеличенно-барскими замашками, съ подозрительно-развязной требовательностью, съ низкими больше отъ водки, чѣмъ отъ барства голосами.

— Здравствуйте, Александръ Сергѣичъ, — на перебой кричали «рѣзвые» у подъѣзда Дворянской. — Извольте

приказать обождать, -- можетъ, въ циркъ вечеркомъ пойдете?

И отецъ, не могущий, конечно, не чувствовать своей фальшивой роли будто бы прежняго, богатаго человѣка, все-таки былъ доволенъ этими криками и приказывалъ обождать, хотя извозчиковъ возлѣ Дворянской всегда было сколько угодно, такъ что не имѣло ровно никакого смысла платить за обожданье.

А за стеклянной дверью подъезда было очень тепло, непривычно и возбуждающе свѣтло отъ яркихъ лампъ, сразу пріятно охватывало всѣмъ тѣмъ хорошимъ, бирскимъ, что присуще старымъ провинціальнымъ гостиницамъ для дворянъ, для дворянскихъ съѣздовъ и собраний. А изъ корридора въ переомъ этажъ, который велъ въ ресторанъ, слышались шумные голоса и смѣхъ, кто-то кричалъ: «Михѣичъ, да скажи-же, чортъ возьми, графу, что мы его ждемъ!» А на лѣстницѣ во второй этажъ встрѣчался и вдругъ останавливался, издавалъ удивленное восклицанье, притворно-радостно выкатывалъ хотодные ястребиные глаза и съ придворной любезностью цѣловалъ руку матери великанъ въдохъ, похожій на мужика и на удѣльнаго князя, и отецъ тотчасъ же подхватывалъ его свѣтскій тонъ, крѣпко жаль его руку:

-- Пожалуйста, пожалуйста, заходите, князь! Сердечно будемъ рады!

А по корридору быстро шель коротконогий и довольно плотный молодой человѣкъ въ поддевкѣ, въ батистовой косовороткѣ, съ гладко причесанными бѣлесыми волосами и выпученными ярко-голубыми, всегда пьяными глазами, нѣкто Миша Станкевичъ, который хрипло и громко, поспѣшно и необязковенно родственно (хотя родства между нами не было почти никакого) кричать сще издали.

-- Дядя, дорогой, сколько лѣтъ, сколько зимъ! А я слышу: «Арсеньевъ, Арсеньевъ», а ты-ли это, не знаю... Здравствуйте, милая тетя, - говорилъ онъ безъ передышки, цѣлуя руку матери такъ родственно, что она принуж-

дена была цѣловать его въ високъ, — здравствуй, Александръ, -- живо обратился очь ко мнѣ, какъ всегда, перевирая мое имя, да ты совсѣмъ молодежь стать! А я, понимаешь, дядя, уже пятый день тутъ сижу, жду эту анаѰему Кричевскаго -- обѣцалъ дать для уплаты въ банкъ, а самъ, чортъ его знаетъ зачѣмъ, въ Варшаву сбѣжалъ и когда назадъ будетъ, одинъ Мордахай вѣдаетъ... Ты что, уже обѣдалъ? А то пойдемъ внизъ, тамъ цѣлое собранье...

И отецъ радушно цѣловалъ его и ни съ того ни съ сего, неожиданно даже для самого себя, вдругъ приглашалъ его обѣдать къ себѣ, ташилъ въ номеръ и съ величайшимъ оживленіемъ заказывалъ Михѣичу невѣроятное количество закусокъ, блюдъ, водокъ и винъ... Какъ страшно много и жадно ѣлъ и пилъ этотъ Миша! Какъ шумно и немолчно говорилъ, восклицалъ, хохоталъ, изумлялся! До сихъ поръ слышу его хриплый крикъ, его безпрестанную и запальчивую фразу:

-- Но неужели ты, дядя, серьезно думаешь, что я способенъ на такую подлость?!

А вечеромъ мы сидѣли въ огромномъ и ледяномъ шатрѣ братьевъ Труци, рѣзко и приятно воившемъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ всегда воиаетъ циркъ. Рѣзко, попугаями, вскрикивали, вылетая на арену подъ гоготъ публики и со всего размаху шлепаясь съ притворной неловкостью жиботомъ въ песокъ, широкоштантные клоуны съ мучными лицами и оранжево-огненными волосами, за ними тяжело вырывалась старая, бѣлая лошадь, на широчайшей, вогнутой спинѣ которой стоя неслась вся осыпанная золотыми блестками коротконогая женщина въ розовомъ трико, съ розовыми тугими ляжками подъ торчащей балетной юбочкой... Музыка съ беззаботной удалью нажаривала: «Ивушка, ивушка, зеленая моя», чернобородый красавецъ-директоръ во фракѣ, въ ботфортахъ и въ цилиндрѣ, стоя и вращаясь посреди арены, равномерно и чудесно стрѣлялъ длиннымъ бичемъ, лошадь, круто, упрямо вы-

гнувъ шею, вся завалившись наискось, тяжкимъ галопомъ мчалась по самому краю круга, женщина выжидательно пружинила на ней и вдругъ съ какимъ-то короткимъ, кокетливымъ крикомъ взвивалась и съ трескомъ прорывала бумажный щитъ, вскинутый передъ ней шталмейстерами въ камзолахъ . . . А когда она, стараясь быть легче нуха, слетала наконецъ съ лошади на изрытый песокъ арены, съ чрезвычайнѣйшей граціей присѣдала, дѣлала ручками, какъ-то особенно вывертывая ихъ въ кисти, и, подъ бурю апплодисментовъ, съ преувеличенной дѣтскостью, уносилась за кулисы, музыка вдругъ смолкала (хотя клоуны, расхлябанно шатаясь по аренѣ съ видомъ безпріютныхъ дурачковъ, картаво кричали: «еще полпорціи камаринскаго!») и весь циркъ замиралъ въ сладкомъ ужасѣ: шталмейстеры съ страшной поспѣшностью бѣжали на арену, таща за собой огромную желѣзную клѣтку, а за кулисами внезапно раздавался чудовищный перекатный рыкъ, точно тамъ кого-то мучительно тошнило, рвало, и затѣмъ такой мощный, царственный выдохъ, что до основанія сотрясался весь шатеръ братьевъ Труцци . . .

IX.

Послѣ отъѣзда отца съ матерью, въ городѣ точно наступали великопостные дни.

И почему-то часто уѣзжали они въ субботу, такъ что въ тотъ-же день вечеромъ я долженъ былъ идти ко все-нощной, въ церковку Воздвиженья, стоявшую въ одномъ изъ глухихъ переулковъ близъ гимназіи.

Боже, какъ памяты мнѣ эти тихіе и грустные вечера поздней осени подъ ея сумрачными и низкими сводами! По обычаю, привели насъ задолго до начала службы, и мы долго ждемъ ея въ напряженной тишинѣ и сумракѣ. Никого, кромѣ насъ — только нѣсколько темныхъ старушечьихъ фигуръ, колѣнопреклоненныхъ въ углахъ, и ни звука, кромѣ ихъ горячаго молитвеннаго шепота да осто-

рожного потрескиванья рѣдкихъ свѣчей и лампадъ у алтаря. Сумракъ все сгущается, въ узкихъ окнахъ все печальнѣе синѣетъ, лиловѣетъ умирающій вечеръ... Вотъ и мягкіе шаги священнослужителей, въ теплыхъ рясахъ и глубокихъ калошахъ проходящихъ въ алтарь. Но и послѣ этого долго еще длится тишина, ожиданіе, идутъ въ алтарь, за закрытыми краснымъ шелкомъ Царскими Вратами, какія-то таинственныя приготовленія, потомъ, по открытіи ихъ, --- которое всегда немного неожиданно и жутко, — долгое и безмолвное кажденіе Престола, пока не выйдетъ наконецъ на амвонъ діаконъ со сдержанно-торжественнымъ призывомъ: «Возстаните!» — пока не отвѣтитъ ему изъ глубины алтаря смиренный и грустный, начинающій голосъ: «Слава святѣй и единосущнѣй, и животворящей, и нераздѣльнѣй Троицѣ» — и не покроется этотъ голосъ тихой, согласной музыкой хора: «Аминь...»

Какъ все это волнуешь меня! Я еще мальчикъ, подростокъ, но вѣдь я родился съ чувствомъ всего этого, а за послѣдніе годы уже столько разъ испыталъ это ожиданье, эту предваряющую службу напряженную тишину, столько разъ слушалъ эти возгласы и непременно за ними слѣдующее, ихъ покрывающее «аминь», что все это стало какъ бы частью моей души, и она, теперь уже заранѣе угадывающая каждое слово службы, на все отзывается сугубо, съ вящей родственной готовностью. «Слава святѣй, единосущнѣй» — слышу я знакомый милый голосъ, слабо долетающій изъ алтаря, и по всему моему тѣлу проходитъ сладостный трепеть, и уже всю службу стою я потомъ, какъ зачарованный.

«Прійдите поклонимся, прійдите поклонимся». «Благослови, душе моя, Господа», слышу я, межъ тѣмъ, какъ священникъ, предшествуемый діаконъ со свѣтильникомъ, тихо ходитъ по всей церкви и безмолвно наполняетъ ее клубами кадильнаго благоуханья, поклоняясь иконамъ, и у меня застилаютъ глаза слезами, ибо я уже

твердо знаю теперь, что прекраснѣй и выше всего этого нѣтъ и не можетъ быть ничего на землѣ, что, если бы даже и правду говорилъ Глѣбочка, утверждающій со словъ нѣкоторыхъ плохо бритыхъ учениковъ изъ старшихъ классовъ, что Бога нѣтъ, все равно нѣтъ ничего въ мирѣ лучше того, что я чувствую сейчасъ, слушая эти возгласы, нѣснопѣнїя и глядя то на красные огоньки передъ тускло-золотой стѣной стараго иконостаса, то на святаго Божьяго витязя, благовѣрнаго князя Александра Невскаго, во весь ростъ и въ полномъ воинскомъ доспѣхѣ, въ шишакѣ и кольчугѣ, написаннаго на злаченомъ столпѣ возлѣ меня, въ страхѣ Божиємъ и благоговѣннїи приложившаго руку къ груди и горѣ поднявшаго грозные и благочестивые очи...

И течетъ, течетъ святая мистерїя. Закрываются и открываются Царскїя Врата, знаменующа то наше отторженіе отъ потеряннаго нами Рая. то новое лицезрѣніе его, читаются дивныя Свѣтильничныя молитвы, выражающія наше скорбное сознанье нашей земной слабости, безпомощности и наши домоганья наставить насъ на пути Божїи, озаряются ярче и теплѣе своды церкви многими свѣчами, зажигаемыми въ знакъ человѣческихъ упованій на грядущаго Спасителя и озаренія человѣческихъ сердецъ надеждою, съ крѣпкой вѣрою въ щедроты Божїи звучать земныя прошенія великой сктенїи: «О слышимъ мирѣ и спасенїи душъ нашихъ... О мирѣ всего міра и благостоянїи святыхъ Божїихъ церквей...» А тамъ опять, опять этотъ слабый, смиренный и все мирно разрѣшающій голосъ: «Яко подобаетъ Тебѣ всякая слава, честь и поклоненїе Отцу и Сыну и Святому Духу всегда, нынѣ и присно и вѣки вѣковъ...»

Нѣтъ, это неправда — то, что говорилъ я о готическихъ соборахъ, объ органахъ: никогда не плакалъ я въ этихъ соборахъ такъ, какъ въ церковь Воздвиженья въ эти темные и глухіе вечера, проводивъ отца съ матерью и войдя истинно какъ въ отчую оби-

тель подъ ея низкіе своды, въ ея тишину, тепло и сумракъ, стоя и утомляясь подъ ними въ своей длинной шинелькѣ и слушая скорбно-смирненное «Да исправится молитва моя», или следостно-медлительное «Свѣте Тихій — святія славы безсмертнаго Отца небеснаго — святаго, блаженнаго — Исусе Христе...» — мысленно упиваясь видѣньемъ какого-то мистическаго Заката, который представлялся мнѣ при этихъ звукахъ: «Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній...» — или опускаясь на колѣни въ тотъ таинственный и печальный мигъ, когда опять на время воцаряется глубокая тишина во всей церкви, опять тушатъ свѣчи, погружая ее въ темную ветхозавѣтную ночь, а потомъ протяжно, осторожно, чуть слышно зачинается какъ бы отдаленное, предразсвѣтное: «Слава въ вышнихъ Богу — и на земли миръ — въ человекѣхъ благоволеніе...» съ этими страстно-горестными и счастливыми троскратными рыданиями въ серединѣ: «Благословенъ еси, Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ!»

Что вызывало на мои глаза эти горячія и возвышенныя слезы, которымъ я отдавался съ такимъ упоеніемъ, хотя даже и въ ту пору было во мнѣ уже много крѣпости, сдержанности, скрытности? Можетъ быть, больше всего нѣкое скорбное прозрѣніе, тайно въ тѣ минуты осѣнявшее меня: прозрѣніе не только всей моей собственной будущей судьбы, но и всякой судьбы земной...

X.

А еще помню я много сѣрыхъ и жесткихъ зимнихъ дней, много темныхъ и грязныхъ оттепелей, когда становится особенно тягостна русская уѣздная жизнь, когда лица у всѣхъ дѣлались скучны, недоброжелательны, — первобытно подверженъ русскій человекъ природнымъ вліяніямъ! и все на свѣтъ, равно какъ и собственное существованіе, томило своей ненужностью, безцѣльностью...

Помню, какъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ несло непроглядными, азіатскими метелями, въ которыхъ чуть маячили городскія колокольни. Помню крещенскіе морозы, наводившіе мысль на глубокую древнюю Русь, на тѣ стужи, отъ которыхъ « земля на сажень трескалась »: тогда надъ бѣлоснѣжнымъ городомъ, совершенно потонувшимъ въ сугробахъ, по ночамъ грозно горѣло на черно-вороненомъ небѣ бѣлое созвѣздіе Оріона, а днемъ зеркально и зловѣще блистало два тусклыхъ солнца и въ тугой и звонкой недвижности жгучаго воздуха весь городъ медленно и дико дымился алыми дымами изъ трубъ и весь скрипѣлъ и визжалъ отъ шаговъ прохожихъ, отъ полозьевъ мужицкихъ розвальней, межъ тѣмъ какъ дыханье до глазъ заиндевѣвшихъ, косматыхъ лошадей и такихъ же мужиковъ, деревянно шедшихъ возлѣ нихъ съ кнутами, въ огромныхъ рукавицахъ желтой кожи, валило клубами бѣлаго пара... Въ такіе морозы замерзла однажды на паперти собора нищая дурочка Дувя, полвѣка шатавшаяся по городу, и городъ, всегда съ величайшей безпощадностью надъ ней издѣвавшійся, вдругъ закатилъ ей чуть не царскія похороны, что побудило Ростовцева наставительно прочитать намъ одну жесточайшую, сугубо-русскую страницу изъ житія святого Прокопія, звучавшую приблизительно такъ:

Бысть нѣкая зима
 Всѣхъ зимъ иныхъ лютѣйша паче;
 Бысть нестерлимый мразъ и бурный вѣтръ
 И снѣгъ спаде на землю превеликій,
 И храмины засыпа, и не токмо
 Въ путѣхъ, но и во градѣ померзаху
 Скоты и челоуѣци безъ числа,
 И птицы мертвы падаху на кровли.
 Бысть въ оны дни:
 Святый своимъ наготствующимъ тѣломъ
 Отъ той зимы безмѣрно пострада.

Единожды онъ нощю прииде
 Ко храминамъ убогихъ и хотѣ
 Согрѣтися у нихъ; но ощутивше
 Приходъ его, ниѣ затворяху
 Дверь передъ нимъ, ниѣ же его
 Біяху и кричаще: — Прочь отсюде,
 Отыде прочь, Юроде! — Онъ въ углѣ
 Псовъ обрѣте на снѣгѣ и соломѣ,
 И ляже посредѣ ихъ, но бѣгоша
 Тѣ пси его. И возвратися паки
 Святый въ притворъ церковный и сѣде.
 Согнуся и трясыйся и отчаявъ
 Спасеніе себѣ. — Благословенно
 Господне имя! Пси и человѣци —
 Единое въ свирѣпствѣ и умѣ .

Какъ это ни странно, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ мнѣ
 вспоминается балъ въ женской гимназіи, — первый балъ,
 на которомъ я былъ. Дни стояли тоже очень морозные.
 Возвращаясь послѣ ученія домой, мы съ Глѣбочкой на-
 рочно шли по той улицѣ, гдѣ была женская гимназія, во
 дворъ которой уже выравнивали сугробы по бокамъ про-
 ѣзда къ парадному крыльцу и сажали въ нихъ два ряда
 необыкновенно густыхъ и свѣжихъ елокъ. Солнце сяди-
 лось, все было чисто, молодо и все розовѣло — снѣжная
 улица, снѣжныя толстыя крыши, стѣны домовъ, ихъ бле-
 стящія золотой слюдой стекла и самый воздухъ, тоже мо-
 лодой, крѣпкій, веселящимъ эфиромъ входившій въ
 грудь. А навстрѣчу шли изъ гимназіи гимназистки въ шуб-
 кахъ и ботикахъ, въ хорошенькихъ шапочкахъ и капо-
 рахъ, съ длинными, посеребренными инеемъ рѣсницами и
 лучистыми глазами, и нѣкоторыя изъ нихъ звонко и при-
 вѣтливо говорили на ходу: «Милости просимъ на балъ!»—
 волнуя этой звонкостью, будя во мнѣ первыя чувства къ
 тому особенному, что было въ этихъ шубкахъ, ботикахъ
 и капорахъ, въ этихъ нѣжныхъ возбужденныхъ лицахъ,

въ длинныхъ морозныхъ рѣсницахъ и горячихъ, быстрыхъ взглядахъ, — чувства, которымъ суждено было впоследствии владѣть мной съ такой силою . . .

Послѣ бала я долго былъ пьянъ воспоминаньями о немъ и о самомъ себѣ: о томъ нарядномъ, красивомъ, легкомъ и ловкомъ гимназистѣ въ новомъ синемъ мундирчикѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, который съ такимъ радостно-молодецкимъ холодкомъ въ душѣ мѣшался съ нарядной и густой дѣвичьей толпой, носился по корридору, по лѣстницамъ, то и дѣло пилъ оршадъ въ буфетѣ, скользили среди танцующихъ по паркету, посыпанному какимъ то атласнымъ порошкомъ, въ огромной бѣлой залѣ, залитой жемчужнымъ свѣтомъ люстръ и оглашаемой съ хоръ торжествующе-звучными громами военной музыки, дышалъ всѣмъ тѣмъ душистымъ зноемъ, которымъ дурманяты балы новичковъ, и былъ очарованъ каждой попадавшейся на глаза легкой туфелькой, каждой бѣлой пелеринкой, каждой черной бархаткой на шеѣ, каждымъ шелковымъ бантомъ въ косѣ, каждой юной грудью, высоко поднимавшейся отъ блаженнаго головокруженья послѣ вальса . . .

XI.

Въ третьемъ классѣ я сказалъ однажды директору дерзость, за которую меня едва не исключили изъ гимназіи. На урокъ греческаго языка, пока учитель что-то объяснялъ намъ, писалъ на доскѣ, крѣпко, ловко и съ большимъ отъ этой ловкости удовольствіемъ стуча мѣломъ, я, вмѣсто того, чтобы слушать его, въ сотый разъ перечитывалъ одну изъ моихъ любимѣйшихъ страницъ въ Одиссеѣ — о томъ, какъ Навзикая поѣхала со своими служанками на морской берегъ мыть пряжу. Внезапно въ классъ вошелъ директоръ, имѣвшій привычку ходить по корридорамъ и заглядывать въ дверныя стекла, направился

прямо ко мнѣ, вырвалъ у меня изъ рукъ книгу и бѣшено крикнулъ:

— Пошелъ до конца урока въ уголь!

Я поднялся и, блѣднѣя, отвѣтилъ:

— Не кричите на меня и не говорите мнѣ ты. Я вамъ не мальчикъ . . .

Въ самомъ дѣлѣ я уже не чувствовалъ себя мальчикомъ. Я быстро росъ душевно и тѣлесно, самъ чувствуя, что расту,—и сонъ жизни становится для меня все трезвѣе. Теперь видѣнья этого сна уже не владѣли мной съ прежней силой, впечатлѣнья отъ нихъ не подавляли въ той мѣрѣ, какъ когда-то. Я жилъ теперь уже не одними чувствами, приобрѣлъ нѣкоторое господство надъ ними, сталъ разбираться въ томъ, что я вижу и воспринимаю, сталъ смотрѣть на окружающее и на переживаемое мной до извѣстной степени сверху внизъ. Уже не все, не всегда и не такъ легко пьянило меня. Нѣчто подобное я испыталъ при переходѣ изъ дѣтства въ отрочество. Теперь испытывалъ съ удвоенной силой и часто, бродя въ праздничные дни съ Глѣбочкой по городу, по окрестностямъ и въ Зарѣчьи, — бродя уже вольно, независимо, — замѣчалъ, что ростъ мой почти равенъ росту средняго прохожаго, что только моя отроческая худоба, стройность да тонкость и свѣжесть безусаго лица отличаютъ меня отъ этихъ прохожихъ.

Въ началѣ сентября того года, когда я перешелъ въ четвертый классъ, неожиданно захотѣлъ вступить со мной въ пріятельство одинъ изъ моихъ товарищей, нѣкто Вадимъ Лопухинъ. Какъ-то на большой перемѣнѣ онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку выше локтя и сказалъ, прямо и пусто глядя въ глаза мнѣ:

— Послушай, хочешь войти въ нашъ кружокъ? Мы образовали кружокъ гимназистовъ-дворянъ, чтобы не мѣшаться больше со всякими Архиповыми и Заусайловыми. Понимаешь?

Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо старше ме-

чи, потому что въ каждомъ классѣ непремѣнно сидѣлъ два года, былъ уже юношески высокъ и широкъ въ кости, блѣокуръ, свѣтлоглазъ, съ пробивающимися золотистыми усиками. Чувствовалось, что онъ уже все знаетъ, все испыталъ, чувствовалась его порочность и то, что онъ весьма доволенъ ею, какъ признакомъ хорошаго тона и своей взрослости: на перемѣнахъ онъ разсѣянно и быстро прогуливался въ толпѣ своимъ барски-легкимъ, нѣскольکو пружиннымъ и шаркающимъ шагомъ, небрежно и развязно подавшись впередъ, засунувъ руки въ карманы широкихъ и легкихъ панталонъ, все посвистывая, все поглядывая вокругъ съ холоднымъ и нѣскольکو насмѣшливымъ любопытствомъ, подходилъ, что бы поболтать, только къ «своимъ», при встрѣчѣ съ надзирателемъ кивалъ ему какъ знакомому... Я въ ту пору уже началъ приглядываться къ людямъ, наблюдать за ними, мои расположенія и нерасположенія стали опредѣляться и дѣлить людей на извѣстные сорта, изъ коихъ нѣкоторые навсегда становились мнѣ ненавистны. Лопухинъ опредѣленно принадлежалъ къ ненавистнымъ. И все таки я былъ польщенъ, отвѣтилъ полнымъ согласіемъ на счетъ кружка, и тогда онъ предложилъ мнѣ придти нынче же вечеромъ въ городской садъ:

-- Ты, во-первыхъ, долженъ поближе сойтись кое съ кѣмъ изъ нашихъ, -- сказалъ онъ. -- а, во-вторыхъ, я познакомлю тебя съ Налей Р. Она еще гимназистка, дочка очень чванныхъ родителей, но ужъ прошла огонь и воду и стѣнная трубы, умна, какъ бѣсъ, весела, какъ французенка, и можетъ выпить бутылку шампанскаго безъ всякой посторонней помощи. А сама аршинъ ростомъ, и ножка -- какъ у феи... Понимаешь? -- сказалъ онъ, какъ всегда, глядя мнѣ въ глаза и думая или дѣлая видъ, что думаетъ, о чемъ-то другомъ.

И вотъ, тотчасъ же послѣ этого разговора, случилось со мной нѣчто совершенно необыкновенное: впервые въ жизни я вдругъ почувствовать не только влюбленность къ

той Натѣ, которую я вообразилъ себѣ со словъ Лопухина, — влюбленность, уже совсѣмъ не похожую на то мимолетное, легкое, таинственное и прекрасное, что коснулось меня когда-то при взглядѣ на Сашку, а потомъ при взглядѣ на молодого Ростовцева съ барышней на гуляньи въ црскій день, — но уже и нѣчто мужское, тѣлесное. Какъ трепетно ждалъ я вечера! Вотъ оно, мерещилось мнѣ, — наконецъ-то! Что наконецъ-то, что именно? Какая то рѣшавая и какъ будто уже давно вождельбнная грань, черезъ которую наконецъ и я долженъ переступить, жуткій порогъ какого-то грѣховнаго рая... И мнѣ уже казалось, что все это будетъ или, по крайней мѣрѣ, начнется цвечее же вечеромъ. Я сходилъ къ парикмахеру, который остригъ меня «бобрикомъ» и, надушивъ, вздралъ волосъ бобрикъ салыно и пряно вонявшей круглой щеткой, я тогда не часъ мылся, наряжался и чистился дома и, когда шелъ въ садъ, чувствовать, какъ у меня леденѣютъ руки и стегнемъ пылаютъ уши. Въ саду опять играла музыка, сыпалъ прохладной пылью высокій, раскидистый фонтанъ и съ какой-то женственной роскошью пахло цвѣтами въ бодромъ и студеномъ воздухѣ багрянаго осенняго заката, но народу было мало, отчего мнѣ еще стыднѣе было ходить отдѣльно отъ прочихъ, на виду у всѣхъ, въ этомъ избранномъ «кружкѣ дворянъ-гимназистовъ» и поддерживать съ ними какой-то особый дворянскій разговоръ, — какъ вдругъ меня словно ударило что-то: по аллеѣ, навстрѣчу намъ, быстро шла мелкими шажками, съ тросточкой въ рукахъ, маленькая женщина-дѣвочка, очень молодо сложенная и очень изящно и просто одѣтая. Когда она быстро подошла къ намъ и, привѣтливо играя агатовыми глазами, свободно и крѣпко пожала намъ руки своей маленькой ручкой въ узкой черной перчаткѣ, быстро заговорила и засмѣялась, раза два мелькомъ, но любопытно взглянувъ на меня, я впервые въ жизни такъ живо и чувственно ощутилъ все то особенное и ужасное, что есть въ женскихъ смѣющихся губахъ, въ дѣтскомъ звукѣ женска-

го голоса, въ округлости женскихъ плечей, въ тонкости женской талии, въ томъ непередаваемомъ, что есть даже въ женской щиколкѣ, что не могъ вымолвить ни слова.

— Образуйте его намъ немножко, Наля, — сказала Лопухинъ, спокойно и развязно кивая на меня съ усмѣшкой въ ничего не выражающихъ глазахъ и такъ безстыдно-многозначительно на что-то намекая, что у меня холодной мелкой дрожью задрожало внутри и чуть не стукнули зубы...

Къ счастью, Наля черезъ нѣсколько дней уѣхала въ губернский городъ — неожиданно умеръ ея дядя, нашъ вице-губернаторъ. Къ счастью, и изъ кружка ничего не вышло. Къ тому же вскорѣ случилось у насъ въ семьѣ огромное событіе: арестовали брата Георгія.

XII

Событіе это даже отца ошеломило.

Теперь вѣдь и представить себѣ невозможно, какъ относился когда-то рядовой русскій человѣкъ ко всякому, кто осмѣливался «итти противъ царя», образъ котораго, несмотря на непрестанную охоту за Александромъ Вторымъ и даже убійство его, все еще оставался образомъ «земного Бога», вызывалъ въ умахъ и сердцахъ мистическое благоговѣніе. Мистически произносилось и слово «соціалистъ» — въ немъ заключался великій позоръ и ужасъ, ибо въ него вкладывали понятіе всяческаго злодѣйства. Когда пронеслась вѣсть, что «соціалисты» появились даже и въ нашихъ мѣстахъ, — братья Рогачевы, барышни Субботины, — это такъ поразило нашъ домъ, какъ если бы въ уѣздѣ появилась чума или библейская проказа. Потомъ произошло нѣчто еще болѣе ужасное: оказалось, что сынъ нашего ближайшаго сосѣда, — уже не какого-то Рогачева или Субботина, а человѣка совѣмъ нашего, — вдругъ пропалъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ въ военно-медицинской академіи, потомъ объявился подъ Ельцомъ на

водяныхъ мельницахъ, простымъ грузчикомъ, въ лаптяхъ, въ посконной рубахѣ, весь заросшій бородой, и вскорѣ былъ узанъ, уличенъ въ «пропагандѣ», — это слово звучало тоже очень страшно, — и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Отецъ нашъ былъ человѣкъ вовсе не темный, не косный и ужъ далеко не робкій во всѣхъ отношеніяхъ; много разъ слыхалъ я въ дѣтствѣ, съ какой дерзостью называлъ онъ иногда Николая Перваго Николаемъ Палкинымъ, бурбономъ; однако слышалъ я и то, съ какой торжественностью и столь же искренно произносилъ онъ на другой день совсѣмъ другія слова: «Въ Божѣ почивающій Государь Императоръ Николай Павловичъ...» У отца все зависѣло отъ его барскаго настроенія, а что все таки преобладало? И потому даже и онъ только руками растерянно разводилъ, когда «схватили» этого юнаго и бородатаго грузчика.

— Несчастный Федоръ Михайлычъ! — съ ужасомъ говорилъ онъ про его отца. — Вѣроятно, этого голубчика казнятъ. Даже непременно казнятъ, — говорилъ онъ со своей постоянной страстью къ сильнымъ положеньямъ. — Да и подѣломъ, подѣломъ! Очень жалко старика, но церемониться съ ними нечего. Этакъ мы и до французской революціи достукаемся! И какъ я былъ правъ, когда твердилъ, что, попомните мое слово, будетъ этотъ крутолобый, угрюмый болванъ острожникомъ, позоромъ всей своей семьи!

И вотъ, такой-же позоръ, ужась вдругъ свалился и на нашу семью. Какъ, почему? Вѣдь ужъ брата-то никакъ нельзя было назвать крутолобымъ, угрюмымъ болваномъ. Его «преступная дѣятельность» казалась еще неглѣбе, еще невѣроятнѣе, чѣмъ таковая-же барышень Субботиныхъ, которыя, хотя и принадлежали къ богатому и хорошему дворянскому роду и воспитаны были въ духъ лучшихъ дворянскихъ завѣтовъ и нравовъ, все таки просто могли быть сбиты съ толку, по своей дѣвичьей глупости, какими-нибудь Рогачевыми...

Въ чемъ заключалась «дѣятельность» брата и какъ именно проводилъ онъ свои университетскіе годы, я точно не знаю. Поразительно мало знаемъ мы всё другъ о другѣ, о жизни даже самыхъ близкихъ намъ! Кто рѣшится сказать, что онъ достаточно знаетъ жизнь отца, матери, сестеръ, братьевъ, что онъ въ должной степени интересовался ими, былъ къ нимъ внимателенъ, пока они были съ нимъ, были въ живыхъ? Знаю только то, что дѣятельность эта началась еще въ гимназіи подъ руководствомъ какой-то «замѣчательной личности», какого-то семинариста Доброхотова. Но что общаго былоу брата съ Доброхотовымъ? Правда, братъ, рассказывая мнѣ о немъ вполслѣдствіи, все еще восхищался имъ, говорилъ о его «суровомъ ригоризмѣ», о его желѣзной волѣ, о «безпоощадной ненависти къ самодержавію и беззавѣтной любви къ народу», и, конечно, такими именно чертами (за исключеніемъ, разумѣется, «беззавѣтной любви») и отличался Доброхотовъ, но были ли хоть одна изъ этихъ чертъ у брата и почему онъ восхищался? Очевидно, только въ силу той вѣчной легкомысленности, восторженности, что такъ присуща была дворянскому племени и не покидала Радичевыхъ, Чацкихъ, Рудиныхъ, Огаревыхъ, Герценовъ даже и до сѣдыхъ волосъ; потому, что черты Доброхотова считались высокими, героическими; и наконецъ по той простой причинѣ, что, вспоминая Доброхотова, онъ вспоминалъ весь тотъ счастливый праздникъ, въ которомъ протекала его юность, — праздникъ ощущенія этой юности, праздникъ «преступной», а потому сладостно-жуткой причастности ко всякимъ тайнымъ кружкамъ, праздникъ сборищъ, пѣсенъ, «зажигательныхъ» рѣчей, оласныхъ плановъ и предпріятій...

Ахъ, эта, вѣчная русская потребность праздника! Какъ чувственны мы, какъ жаждемъ упоенія жизнью, — не просто наслажденія, а именно упоенія, — какъ тянетъ насъ къ непрестанному хмелю, къ запою, какъ скучны намъ будни и планомѣрный трудъ! Какъ удивительно не похожи мы, на примѣръ, на французовъ, людей, конечно, не менѣе насъ

страстныхъ, не менѣе понимающихъ толкъ въ наслажденіяхъ, но уже во всемъ познавшихъ край и мѣру, отъ жизни невозможнаго уже не требующихъ, горькимъ опытомъ уже давно наученныхъ, что все равно ничего не выйдетъ путнаго, сколько ты ни пей, ни кури, ни буянь, ни терзай себя и другихъ страстными изліяніями, и что съ большой осторожностью надо тратить силы душевныя и физическія, равно какъ и сантимы, очень не легко въ этомъ мірѣ достающіеся, если только не грабить у сосѣда награбленное, не жить вообще на чужой карманъ, не просить то и дѣло у пріятели папироску или франкъ!

Россія въ мои годы жила жизнью необыкновенно широкой и дѣятельной, число людей работающихъ, здоровыхъ, крѣпкихъ въ ней все возростало. Однако развѣ не исконная русская мечта о молочныхъ рѣкахъ, о волѣ безъ удержу, о праздникѣ была одной изъ главнѣйшихъ причинъ, на примѣръ, русской революціи? И что такое вообще русскій протестантъ, бунтовщикъ, революціонеръ, всегда до нелѣпости отрѣшенный отъ дѣйствительности и ее презирающій, ни въ малѣйшей мѣрѣ не хотящій подчиниться разсудку, разсчету, дѣятельности невидной, неспѣшной, сѣрой? Какъ! Служить въ канцеляріи губернатора, вносить въ общественное дѣло какую-то жалкую лепту! Да ни за что, — «карету мнѣ, карету!»

Брату и въ гимназій и въ университетѣ пророчили блестящую научную будущность. Но до науки ли было ему тогда! Онъ, видите-ли, долженъ былъ «всецѣло отказаться отъ личной жизни, всего себя посвятить страждущему народу». Онъ былъ добрый, благородный, живой, сердечный юноша и все таки тутъ онъ просто вралъ себѣ или, вѣрнѣе, старался жить -- да и жилъ -- выдуманнми чувствами, какъ жили тысячи прочихъ. Чѣмъ вообще созданы были «хожденія въ народъ» дворянскихъ дѣтей, ихъ возстаніе на самихъ себя, ихъ сборища, споры, подполья, кровавыя слова и дѣйствія? Въ сущности дѣти были плоть отъ плоти, кость отъ кости своихъ отцовъ, тоже

всячески прожигавшихъ свою жизнь. Идеи идеями, но вѣдь сколько, повторяю, было у этихъ юныхъ революціонеровъ и просто жажды веселаго бездѣлья подѣ видомъ кипучей дѣятельности, оцѣненья себя сходками, шумомъ, пѣснями, всяческими подпольными опасностями, — да еще «рука объ руку» съ хорошенькими Субботинными, — мечтами объ обыскахъ и тюрьмахъ, громкихъ процессахъ и товарищескихъ путешествіяхъ въ Сибирь, на каторгу, за полярный кругъ! Что побуждало брата, превосходно кончившаго и гимназію, и университетъ только въ силу своихъ совершенно необыкновенныхъ способностей, весь жаръ своей молодости отдавать «подпольной работѣ»? Горькая участь Пилы и Сысойки? Несомнѣнно, читая о ней, онъ не разъ прослезился. Но почему же, подобно всѣмъ своимъ соратникамъ, никогда даже не замѣчалъ онъ ни Пилы ни Сысойки въ жизни, въ Новосѣлкахъ, въ Батури-нѣ? Во многомъ, во многомъ былъ онъ сынъ своего отца, не даромъ говорившаго послѣ двухъ - трехъ рюмокъ водки:

— Нѣтъ, отлично! Люблю выпить! Замолаживаетъ!

Замолаживаетъ — это слово употреблялось когда - то на винокурняхъ, и человѣкъ выпившій хотѣлъ имъ сказать, что въ него вступаетъ нѣчто молодое, радостное, что въ немъ совершается нѣкое сладкое броженіе, нѣкое освобожденіе отъ разсудка, отъ будничной связанности и упорядоченности. Мужики такъ и говорятъ про водку: «Какъ можно! Отъ ней въ человѣкѣ развязка дѣлается!» Знаменитое «Руси есть веселіе пити» вовсе не такъ просто, какъ кажется. Не родственно-ли съ этимъ «веселіемъ» и юродство, и бродяжничество, и радѣнія, и самосжиганія, и всяческіе бунты — и даже та изумительная изобразительность, словесная чувственность, которой такъ славна русская литература?

XIII.

Братъ долго скрывался, мѣняя мѣстожителство, подѣ чужимъ именемъ. Потомъ, когда рѣшилъ, что опасность миновала, пріѣхалъ отдохнуть въ Батурино. Но тутъ, на другой-же день, его арестовали: донесъ о его пріѣздѣ приказчикъ одного изъ нашихъ сосѣдей

Замѣчательно, что въ то самое утро, когда въ Батурино явились жандармы, этого приказчика убило деревомъ, которое, по его распоряженію, рубили въ саду. Такъ навсегда и осталась въ моемъ воображеніи картина, представившаяся мнѣ тогда: большой старый садъ, весь уже по осеннему прорѣдѣвшій, живописно обезображенный осенними дождями, бурями и первыми заморозками, засыпанный гниющей листвою, чернѣющей стволами и сучьями и пестрѣющей остатками желтаго и краснаго убора, свѣжес и яркое утро, ослѣпительный солнечный свѣтъ, блестящій на полянахъ и теплыми, золотистыми столпами падающей среди стволовъ вдали въ сырой холодокъ и тѣнь низовъ, въ тонкій, сіяющій голубымъ эфиромъ дымъ еще не совсѣмъ испарившагося утренняго тумана, перекрестокъ двухъ аллей и на немъ — великолѣпный столѣтній кленъ, который раскинулся и сквозитъ на яркомъ и влажномъ утреннемъ небѣ своей огромной раскрытой вершиной, чернымъ узоромъ сучьевъ съ кое-гдѣ повисшими на нихъ большими зубчатыми лимонными листьями и въ могучій, закаменѣвшій отъ времени стволъ котораго, съ удовольствіемъ акая, все глубже врубаются блестящими топорами мужики въ однихъ рубахахъ и въ шапкахъ на затылокъ, межъ тѣмъ какъ приказчикъ, засунувъ руки въ карманы, глядитъ вверхъ на вздрагивающую въ небѣ макушку дерева. Можетъ быть, онъ задумался о томъ, какъ ловко подсидѣлъ онъ социалиста? А дерево вдругъ крикнуло, макушка внезапно двинулась впередъ — и съ шумомъ, все возрастая въ быстротѣ, тяжести и ужасѣ, ринулась сквозь вѣтви сосѣднихъ деревьевъ на него . . .

Въ этомъ имѣнїи я бывалъ впоследствии много разъ. Оно когда-то принадлежало нашей матери. Отецъ, имѣвшій неутомимую страсть все сбывать съ рукъ, давно продалъ и прожилъ его. Послѣ смерти новаго владѣльца оно перешло къ какой-то «квалерственной дамѣ», жившей въ Москвѣ, и было заброшено: земля сдавалась мужикамъ, а усадьба предоставлена волѣ Божіей. И часто, проѣзжая мимо нея по большой дорогѣ, отъ которой она была въ какой нибудь верстѣ, я сворачивалъ, ѣхалъ по широкой дубовой аллеѣ, ведшей къ ней, вѣзжалъ на просторный дворъ, оставлялъ лошадей возлѣ конюшенъ, шелъ къ дому... Сколько заброшенныхъ помѣстій, запущенныхъ садовъ въ русской литературѣ и съ какой любовью всегда описывались они! Въ силу чего русской душѣ такъ мило, такъ отрадно запустѣнье, глушь, раззоръ, распадъ? Я шелъ къ дому, проходилъ садъ, поднимавшійся за домомъ... Конюшни, людскія избы, амбары и прочія службы, раскинутыя вокругъ пустыннаго двора, — все было огромно, сѣро, все разрушалось и дичало, какъ дичали, заросли бурьяномъ, кустарникомъ и огороды, гумна, простиравшіяся за ними и сливавшіеся съ полемъ. Деревянный домъ, обшитый сѣрымъ тесомъ, конечно, гнилъ, ветшалъ, съ каждымъ годомъ дѣлаясь все плѣнительнѣе, и особенно любилъ я заглядывать въ его окна съ мелко-рѣшетчатыми рамами. какъ передать тѣ чувства, что испытываешь въ такія минуты, когда какъ бы воровски, кощунственно заглядываешь въ старый, пустой домъ, въ безмолвное и таинственное святилище его давней, исчезнувшей жизни! А садъ за домомъ былъ, конечно, наполовину вырубленъ, хотя все еще красовалось въ немъ много вѣковыхъ липъ, кленовъ, серебристыхъ итальянскихъ тополей, березъ и дубовъ, одиноко и безмолвно доживавшихъ въ этомъ забытомъ саду свои долгіе годы, свою вѣчно-юную старость, красота которой казалась еще болѣе дивной въ этомъ одиночествѣ и безмолвіи, въ своей благословенной, божественной безцѣльности. Небо и ста-

рыя деревья, у каждаго изъ которыхъ всегда есть свое выраженье, свои очертанія, своя душа, своя дума, — можно ли наглядѣться на это? Я подолгу бродилъ подъ ними, не сводя глазъ съ ихъ безконечно разнообразныхъ вершинъ, вѣтвей, листьевъ. томясь желаніемъ понять, разгадать и навсегда запечатлѣть въ себѣ ихъ образы, сидѣлъ, думая о нихъ, на просторномъ косогорѣ подъ садомъ, среди огромныхъ дубовыхъ пней, грубо чернѣвшихъ на немъ въ нѣжной высокой травѣ и цвѣтахъ, надъ свѣтлыми прудами, все еще полноводно лежавшими подъ косогоромъ въ лощинѣ... Какъ отрѣшалась тогда душа отъ жизни, съ какой грустной и благой мудростью, точно изъ какой-то неземной дали, глядѣла она на нее, созерцала «вѣщи и дѣла» человѣческія! И каждый разъ непременно вспоминался мнѣ тутъ и этотъ несчастный человѣкъ, убитый старымъ кленомъ, погибшій вмѣстѣ съ нимъ, и вся несчастная, безсознательно испорченная имъ, этимъ человѣкомъ, судьба брата, и тотъ далекій осенній день, когда привезли его два бородатыхъ жандарма, похожихъ на Александра Третьяго, изъ Батурина въ городъ, въ тотъ самый острогъ, гдѣ такъ поразилъ меня когда-то мрачный узникъ, глядѣвшій изъ-за желѣзной рѣшетки на заходящее солнце...

Отецъ съ матерью прискакали въ этотъ день въ городъ, вслѣдъ за казенной тройкой брата, совершенно внѣ себя. Мать даже не плакала, ея темные глаза горѣли сухо, страшно. Отецъ старался не глядѣть ни на меня ни на нее, все только курилъ и повторялъ:

— Вздоръ, пустяки! Повѣрьте, что черезъ нѣсколько дней вся эта ерунда разъяснится...

Въ тотъ же день вечеромъ брата увезли дальше, въ Харьковъ, гдѣ было то подполье, за причастность къ которому и былъ онъ арестованъ. Мы ѣздили на вокзалъ провожать его. Кажется, больше всего поразило меня то, что приѣхавъ на вокзалъ, мы должны были итти въ залъ третьяго класса, гдѣ братъ, подъ надзоромъ жандармовъ, дожидался отхода поѣзда, уже не смѣя сидѣть съ обыкно-

венными, приличными, свободными людьми, уже лишившись воли распоряжаться собой, возможности пить чай или ѣсть пирожки вмѣстѣ съ ними. И какъ только мы вошли въ этотъ вонючій и безобразно, беспорядочно людной, шумный залъ, меня такъ и ударилъ въ сердце видъ брата, его арестанская обособленность и безправность: онъ и самъ хорошо понималъ ее, чувствовалъ всю свою униженность и неловко, виновато улыбался. Онъ одиноко сидѣлъ въ самомъ дальнемъ углу возлѣ дверей на платформу, юношески милый и жалкій своей чистотой, худощавостью, своимъ легкимъ сѣренькимъ костюмчикомъ, на который была накинута отцовская енотовая шуба. Возлѣ него было пусто, — жандармы то и дѣло отстраняли бабъ, мужиковъ и мѣшанъ, толпившихся вокругъ и съ любопытствомъ, со страхомъ глядѣвшихъ на живого социалиста, слава Богу, уже попавшаго въ клѣтку. Особенно любопытствовалъ какой-то сельскій батюшка, длинный, въ высокой бобровой шапкѣ и глубокихъ пыльных калошахъ, не сводившій съ брата расширенныхъ глазъ и таинственной скороговоркой засыпавшій жандармовъ вопросами, на которые они не отвѣчали. Они поглядывали на брата, какъ на провинившагося мальчика, котораго они волей неволей должны стеречь и везти куда приказано, и одинъ изъ нихъ съ ласковой и снисходительной усмѣшкой сказалъ матери:

— Не беспокойтесь, сударыня, все, Богъ дастъ, обойдется... Пожалуйте, посидите съ ними, до поѣзда еще минутъ двадцать... Вотъ младшій сейчасъ пойдетъ запасется кипяткомъ, купить имъ на дорогу, какой прикажете, закуски... Это вы хорошо сдѣлали, что шубу имъ дали, — въ вагонѣ ночью прохладно будетъ...

Помню, что тутъ мать наконецъ заплакала, — сѣла на скамейку возлѣ брата и вдругъ зарыдала, зажимая ротъ платкомъ, отецъ же, болѣзненно сморщивъ лицо, махнулъ рукой и быстро пошелъ прочь. Онъ не переносилъ страданій, неприятностей, всегда, въ силу невольной самоза-

щиты, спѣшили какъ нибудь уклониться отъ нихъ, — онъ даже мало мальски тяжелыхъ разлукъ избѣгалъ, всегда неожиданно ихъ обрывая, поспѣшно хмурясь и бормоча, что долгіе проводы — лишнія слезы. Онъ ушелъ въ буфетъ, выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, пошелъ искать станціоннаго жандармскаго полковника съ просьбой разрѣшить брату ѣхать въ первомъ классѣ... Назадъ прибѣжалъ онъ только въ ту послѣднюю, страшную минуту, когда, съ беспощаднымъ грохотомъ и шумомъ, уже обрушился на насъ этотъ роковой харьковскій поѣздъ...

XIV.

Въ этотъ вечеръ я не чувствовалъ, кажется, ничего, кромѣ растерянности, недоумѣнія. Но вотъ брата увезли, отецъ съ матерью уѣхали. Мнѣ понадобилось послѣ того не мало времени, чтобы пережить свой новый душевный недугъ.

Отецъ съ матерью уѣхали почему-то на другой же день утромъ. Было солнечно, какъ часто бываетъ у насъ въ октябрѣ, но даже въ городѣ насквозь прохватывалъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, и все было необыкновенно чисто, ясно, просторно — пролеты улицъ, дали пустыхъ окрестностей, точно совсѣмъ лишенныхъ воздуха, яркое небо, кое-гдѣ сіявшее острой прозеленью между быстро плывущими дымчато-бѣлыми облаками... Я проводилъ уѣзжающихъ до монастыря и острога, между которыми убѣгало въ холодныя и нагія, пестрыя отъ солнца и облачныхъ тѣней поля уже подмерзшее, крѣпко закаменѣвшее шоссе. Тутъ тарантасъ остановился. Солнце, поднявшееся, покуда собрались и выѣхали, немного выше, то и дѣло выглядывало изъ-за облаковъ; но его слѣпящій свѣтъ не грѣлъ, а съ выѣзда въ поле, съ сѣвера дуло такъ пронзительно, что кучеръ на козлахъ гнулъ голову, у отца, сидѣвшаго въ шубѣ и въ зимней шапкѣ, трепались усы и на глаза, въ которыхъ рябило отъ вѣтра, выступали слезы. Я слѣзъ, и мать вновь горько заплакала, при-

жавшись къ моему лицу сѣрымъ теплымъ капоромъ, отецъ же только торопливо перекрестилъ меня, сунулъ къ моимъ губамъ озябшую руку и крикнулъ въ спину кучеру:

— Пошелъ!

Тарантасъ съ полуподнятымъ верхомъ тотчасъ же загремѣлъ, могучій бурый коренникъ задралъ голову и затрясъ залившійся подъ дугой колокольчикъ, гнѣдые пристяжныя дружно и вольно взяли вскачь, подкидывая крупы, а я еще долго стоялъ на шоссе, провожая глазами этотъ верхъ. сразу скрывшій отъ меня послѣднихъ родныхъ мнѣ людей, глядя на убѣгающія заднія колеса, на косматыя бабки коренника, быстро пляшущія между ними подъ кузовомъ тарантаса, и на высоко и легко взвивающіяся по его бокамъ подковы пристяжныхъ, — долго съ мукой слушалъ удаляющійся поддужный плачь. Я стоялъ въ своей легонькой шинелькѣ, пронизываемый вѣтромъ, преодолевая его плечомъ, и вспоминалъ то, что говорилъ отецъ вчера вечеромъ, за ужиномъ въ номерѣ Дворянской, наливая себѣ портеру:

— Вздоръ, пустыки! --- говорилъ онъ твердо. — Эка, подумаешь, важность! Ну, арестовали, ну, увезли и, можетъ, въ Сибирь сошлютъ,---даже навѣрное сошлютъ,---да мало ли ихъ нынче ссылаютъ и чѣмъ, позвольте спросить, какой-нибудь Тобольскъ хуже Ельца, Воронежа? Да и вообще все вздоръ и пустыки! Пройдетъ дурное, пройдетъ и хорошее, какъ сказала Тихонъ Задонскій, — все пройдетъ!

Я вспоминалъ эти слова и чувствовалъ, что мнѣ не только не легче, а еще больнѣе отъ нихъ. Можетъ быть, и впрямь все вздоръ, но вѣдь этотъ вздоръ моя жизнь, и зачѣмъ же я чувствую ее данной вовсе не для вздора и не для того, чтобы все безслѣдно проходило, исчезало? Все пустыки, -- однако оттого, что увезли брата, для меня какъ будто весь мѣръ опустѣлъ, сталъ огромнымъ, бессмысленнымъ, и мнѣ въ немъ теперь такъ грустно и такъ одиноко, какъ будто я уже внѣ его, межъ тѣмъ какъ мнѣ

нужно быть вмѣстѣ съ нимъ, любить и радоваться въ немъ! Какъ же пустяки, когда оказалось, что я люблю, — да и всегда, очевидно, любилъ, — того милаго и жалкаго «соціалиста», что сидѣлъ вчера арестантомъ на вокзалѣ въ своемъ сѣренькомъ пиджачкѣ и накинутой на плечи енотовой шубѣ, а его куда-то увезли, лишили свободы, счастья, разлучили съ нами и со всей обычной жизнью? Все въ мѣрѣ какъ будто по-прежнему, какъ всегда, и всѣ свободны и счастливы, а онъ одинъ въ неволѣ и въ несчастьи. Вотъ, подгоняемая этимъ ледянымъ и буйнымъ вѣтромъ, бѣжитъ вдоль шоссе въ городъ, бочкомъ труситъ какая-то скромная, чѣмъ-то своимъ озабоченная рыжая собаченка; а его уже нѣтъ, онъ теперь гдѣ-то тамъ, въ безконечной и пустой, сіяющей южной дали, ѣдетъ въ замкнутомъ купѣ солнечнаго вагона подъ надзоромъ двухъ вооруженныхъ жандармовъ, везущихъ его въ какой-то Харьковъ. Вотъ спокойно стоитъ противъ солнца, глядитъ черезъ шоссе на монастырь своими рѣшетчатыми окнами желтый острожный домъ, такой-же жуткій, ото всѣхъ особенный, какъ и тотъ, что ждетъ его въ Харьковѣ, и вчера въ этомъ домѣ сидѣлъ нѣсколько часовъ и онъ, а нынче въ немъ его уже нѣтъ, — чувствуется только скорбный остатокъ его присутствія. Вотъ изъ-за высокой и зубчатой монастырской стѣны въ мраморномъ отъ облаковъ небѣ дивно блестятъ тускло-золотыя соборныя маковки и сквозятъ, чернѣютъ сучья древнихъ кладбищенскихъ деревьевъ, а онъ уже не видитъ этой красоты, не дѣлать со мной радости глядѣть на нихъ... На громадныхъ запертыхъ воротахъ монастыря, на ихъ створахъ, во весь ростъ были лубочно написаны два высокихъ, могильно-изможденныхъ святителя въ епитрахильяхъ, съ зеленоватыми печальными ликами, съ длинными, до земли развернутыми хартиями въ рукахъ: сколько лѣтъ стоятъ они такъ, сколько вѣковъ уже нѣтъ ихъ на свѣтѣ? Все пройдетъ, все проходить, будетъ время, когда не будетъ въ мѣрѣ и насъ, — ни меня, ни отца, ни матери, ни брата, —

а эти древне-русскіе старцы со своимъ священнымъ и мудрымъ писаніемъ въ рукахъ будутъ все такъ-же безстрастно и печально стоять на воротахъ... И, снявъ картузь, со слезами на глазахъ, я сталъ креститься на ворота, все живѣе чувствуя, что съ каждой минутой мнѣ становится все жалче себя и брата, — то есть, что я все больше люблю себя, его, отца съ матерью, — и горячо прося святыхъ телей помочь намъ, ибо какъ ни больно, какъ ни грустно въ этомъ непонятномъ мірѣ, онъ все же прекрасенъ и намъ все таки страстно хочется быть счастливыми и любить другъ друга...

Я пошелъ назадъ, часто останавливаясь, оборачиваясь. Вѣтеръ дулъ какъ будто еще крѣпче и холоднѣе, но солнце поднималось, сіяло, день веселѣлъ, требовалъ жизни, радости, и надо всѣмъ, — надъ городомъ, надъ пустой Щепной пленадью, надъ заповѣднымъ, безмолвнымъ помѣстьемъ монастыря съ его высокой стѣной, кладбищенской ронцей и золотыми соборными главками, и надъ той необозримой степной равниной, куда къ прозрачно-зеленому сѣверному небосклону убѣгало шоссе, — плыли въ блѣдно-голубомъ, въ жидкомъ и яркомъ осеннемъ небѣ крупныя и красивыя лиловатыя облака, и все было свѣтло и пестро, но всему картинно и легко, то и дѣло чередуясь съ солнцемъ, шли воздушныя дымчатыя тѣни. Я стоялъ, смотрѣлъ и шелъ дальше... Гдѣ только я не былъ въ этотъ день!

Я обошелъ кругомъ весь городъ. Я шелъ по той черной слободѣ, что спускалась отъ Щепной площади къ кожевннымъ заводамъ, перешелъ по горбтому, отъ древности полуразрушенному каменному мосту черезъ сладкозловонный рѣчной притокъ, заваленный гніющими въ немъ бурыми шкурами, поднялся на противоположную гору къ женскому монастырю, — онъ такъ и сіялъ противъ солнца мѣловой бѣлизной своихъ стѣнъ, а изъ калитки его воротъ выходила молоденькая монашка въ грубыхъ башмакахъ, въ грубыхъ черныхъ одеждахъ, но такой тон-

кой, чистой, древне-русской иконописной красоты, что я, пораженный, даже остановился, — потомъ пошелъ къ Аграмачъ, опять спустился къ притоку и поднялся къ собору... На обрывѣ за соборомъ я стоялъ, глядя на гнилыя тесовыя крыши мѣщанскихъ лачугъ, лѣпившихся внизу по буграмъ вдоль рѣки, на внутренности ихъ грязныхъ и убогихъ дворишекъ, и все что-то думалъ о человѣческой жизни, о томъ, что все проходитъ и повторяется, что, вѣрно, и триста лѣтъ тому назадъ были тутъ все такія-же черныя тесовыя крыши и всякая сорная дрянь, что растеть на пустыряхъ, на глинистыхъ буграхъ, потомъ мысленно видѣлъ отца съ матерью, скачущихъ на тройкѣ по свѣтлымъ, пустыннымъ полямъ, видѣлъ Батурино, гдѣ все такъ мирно, родственно, теперь, конечно, очень, очень грустно, а все таки несказанно мило, отрадно, видѣлъ брата Николая, черноглазую десятилѣтнюю Олю, нашу съ ней завѣтную ель передъ окнами зала и пустой, обнаженный, по осеннему печальный садъ, буйный вѣтеръ и вечерѣющее солнце въ немъ, — всей душой стремился туда, но за всѣми этими думами и чувствами все время неотступно чувствовалъ брата. Я смотрѣлъ на рѣку, сѣрой рябью равномерно шедшую къ желтымъ скаламъ, дѣлавшую подъ ними поворотъ на югъ и пропадавшую вдали, опять думалъ о томъ, что даже и при печенѣгахъ все такъ же шла она — и старался не смотрѣть на Зарѣчье, на красиющій на его окраинѣ вокзалъ, съ котораго вчера въ сумерки увезли брата, не слышать грустно-требовательныхъ паровозныхъ криковъ, сквозь вѣтеръ доносившихся отсюда въ ледяномъ вечернемъ воздухѣ. Какъ мучительно мѣшалось съ братомъ все, что я видѣлъ и переживалъ въ этотъ странный день, больше же всего, кажется, то сладкое восхищеніе, съ которымъ я вспоминалъ о монашкѣ, вышедшей изъ калитки монастыря!

Еще долго, потомъ не могъ спокойно слышать я этихъ далекихъ станціонныхъ свистковъ, — особенно просыпаясь по ночамъ...

Мать въ это время дала Богу, за спасеніе брата, обѣтъ вѣчнаго поста, который она и держала всю жизнь, вплоть до самой своей смерти, съ великой строгостью. И Богъ не только пощадилъ, но и наградилъ ее: черезъ годъ брата освободили и, къ ея великой радости, выслали на трехлѣтнее жительство въ Батурино, подъ надзоръ полиціи . . .

XV.

Черезъ годъ вышелъ на свободу и я, — бросилъ гимназію и тоже возвратился подъ родительскій кровъ, чтобы встрѣтить тамъ дни, несомнѣнно, самые удивительные изъ всѣхъ пережитыхъ мной.

Это было уже начало юности, время для всякаго удивительное, для меня же, въ силу нѣкоторыхъ счастливыхъ обстоятельствъ и нѣкоторыхъ моихъ особенностей, оказавшееся удивительнымъ особенно.

Жизнь моя въ это время не только опять рѣзко измѣнилась внѣшне, но ознаменовалась еще однимъ, внезапнымъ и благодѣтельнымъ переломомъ, расцвѣтомъ, совершившимся во всемъ моемъ существѣ.

Удивителенъ весенній расцвѣтъ дерева. А какъ онъ удивителенъ, если весна дружная, счастливая! Тогда то незримое, что неустанно идетъ въ немъ, проявляется, дѣлается зримымъ особенно чудесно. Взглянувъ на дерево однажды утромъ, поражаешься обилію почекъ, покрывшихъ его за ночь. А еще черезъ нѣкій срокъ внезапно лопаются почки — и черный узоръ сучьевъ сразу осыпаютъ несмѣтная ярко-зеленая мушки. А тамъ надвигается первая туча, гремитъ первый громъ, свергается первый теплый ливень — и опять, еще разъ совершается диво: дерево стало уже такъ темно, такъ пышно по сравненію со своей вчерашней голой снастью, раскинулось крупной и блестящей зеленью такъ густо и широко, стоитъ въ такой красѣ и силѣ молодой крѣпкой листвы, что просто глазамъ не вѣришь . . . Нѣчто подобное произошло и со

мною въ то время. И вотъ настала и для меня не только полная и радостная весенняя жизнь, но и тѣ волшебные дни —

Когда въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являются стала муза мнѣ . .

Ни лицейскихъ садовъ, ни царскосельскихъ озеръ и лебедей, ничего этого мнѣ, потомуку «промотавшихся отцовъ», въ удѣлъ уже не досталось. Но великая и божественная новизна, свѣжесть и радость «всѣхъ впечатлѣній бытія», но долины, всегда и всюду таинственныя для юнаго сердца, но сіяющія въ тишинѣ воды и первыя, жалкія, неумѣлыя, но незабвенныя встрѣчи съ музой—все это и у меня было. То, среди чего, говоря словами Пушкина, «расцвѣталъ» я, очень не походило на царскосельскіе парки. Но какъ плѣнительно, какъ родственно звучали для меня тогда пушкинскія строки о нихъ! Какъ живо выражали онѣ сущность того, чѣмъ полна была моя душа, — тѣ тайныя лебединыя клики, что порою такъ горячо и призывно оглашали ее! И не все-ли равно, что именно извлекало ихъ? Что съ того, что ни единымъ словомъ не умѣлъ я ихъ передать, выразить?

XVI.

Всѣ человѣческія судьбы слагаются случайно, въ непремѣнной зависимости отъ судебъ, ихъ окружающихъ. Такъ сложилась и судьба моей юности, опредѣлившей и всю мою судьбу. Какъ въ старинныхъ стихахъ —

Мнѣ возвращень былъ кровъ родимый,
Дарованъ миръ степной глуши,
Привычный быть и кругъ любимый
И жаръ восторженной души . . .

Почему я бросилъ гимназію? Была-ли бы моя юность такой, какой она была, и какъ сложилась бы вся моя жизнь, не случись этого на первый взглядъ ничтожнаго событія?

Отецъ иногда говорилъ, что я бросилъ ее по причинамъ совершенно непозволительнымъ въ своей несожданности и нелѣпости, просто «по вольности дворянства», какъ онъ любилъ выражаться, бранилъ меня своенравнымъ недорослемъ и пенялъ себѣ за попустительство этому своенравію. Но говорилъ онъ и другое, — сужденія его всегда были крайне противорѣчивы, — то, что я поступилъ вполнѣ «логично», — онъ произносилъ это слово очень точно и изысканно, — сдѣлалъ такъ, какъ требовала моя натура.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ, — призваніе Алексѣя не гражданское поприще, не мундиръ и не хозяйство, а поэзія души и жизни. Да и хозяйствовать-то, слава Богу, уже не надъ чѣмъ! А тутъ, кто знаетъ, можетъ, вторымъ Пушкинымъ или Лермонтовымъ выйдетъ. Да и чѣмъ ему не профессоръ Георгій? Будетъ знать, надѣюсь, не меньше своего любезнаго папеньки, который вѣдь тоже въ свое время просто сбѣжалъ изъ воронежскаго пансіона и удовольствовался «домашнимъ воспитаніемъ» . . .

Въ самомъ дѣлѣ, многое сложилось противъ моего казеннаго ученія и тѣ «вольности», которая была такъ присуща въ прежнія времена на Руси далеко не одному дворянству и которой не мало было въ моей крови, и наследственныя черты «папеньки», и мое призваніе «къ поэзій души и жизни», уже ясно опредѣлившееся въ ту пору, и наконецъ, то случайное обстоятельство, что брата сослали не въ Сибирь, а въ Батурино.

Я очень измѣнился душевно и тѣлесно, какъ то сразу очень окрѣпъ и возмужалъ за послѣдній годъ пребыванія въ гимназіи. До этой поры во мнѣ, думаю, преобладали черты матери, но тутъ быстро стали развиваться отцовскія, — его бодрая жизненность, сопротивляемость обсто-

ятельствамъ, той чувствительности, которая была и въ немъ, но которую онъ всегда безсознательно спѣшилъ взять въ свои здоровыя и крѣпкія руки, и его безсознательная настойчивость въ достиженіи желасмаго, его своевравіе. То, весьма въ сущности неважное, что произошло съ братомъ и что казалось тогда всей нашей семьѣ ужаснымъ, пережито было мной не сразу, но все таки, конечно, пережито и даже послужило къ моей зрѣлости, къ возбужденію моихъ силъ. Я почувствовалъ, что отецъ правъ, — «нельзя жить плакучей ивой», что жизнь «все таки великолѣпная вещь», какъ говорилъ онъ порой во хмелю, и уже сознательно видѣлъ, что въ ней есть нѣчто неотразимо-чудесное — словесное творчество. И въ мою душу запало твердое рѣшеніе — во что бы то ни стало перейти въ пятый классъ, а затѣмъ навсегда развязаться съ гимназіей, вернуться въ Батурино и стать «вторымъ Пушкинымъ или Лермонтовымъ», Жуковскимъ, Баратынскимъ, свою кровную принадлежность къ которымъ я живо ощутилъ, кажется, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только узналъ о нихъ, на портреты которыхъ я глядѣлъ какъ на фамильные.

Всю эту зиму я старался вести жизнь трудовую, бодрую, а весной мнѣ уже и стараться не нужно было. За зиму со мной, несомнѣнно, что-то случилось. — въ смыслѣ прежде всего тѣлеснаго развитія, — какъ неожиданно случается это со всѣми подростками, у которыхъ вдругъ начинаетъ пробиваться пушокъ на щекахъ, грубо начинаютъ расти руки и ноги и грубѣть, ломается голосъ. Грубости у меня, слава Богу, ни въ чемъ не проявилось даже и въ ту пору, но пушокъ уже золотился, глаза засинѣли ярче и гуще и лицо, черты котораго стали опредѣленнѣй, точно покрылось легкимъ и здоровымъ загаромъ. Экзамены я поэтому держалъ совсѣмъ не такъ, какъ прежде. Я зубрилъ по цѣлымъ днямъ, самъ наслаждаясь своей неутомимостью, подтянутостью, съ радостью чувствуя все то молодое, здоровое,

чистое, что дѣлаетъ иногда экзамены похожими на Страстную недѣлю, на говѣнныя, на приготовленіе къ исповѣди и причастію. Я спалъ по три, по четыре часа, по утрамъ вскакивалъ съ постели легко и быстро, мылся и одѣвался особенно заботливо, молился Богу съ увѣренностью, что Богъ непремѣнно поможетъ мнѣ даже въ аористахъ, выходилъ изъ дому съ твердымъ спокойствіемъ, крѣпко держа въ умѣ и сердцѣ все то, что было завоевано вчера и что иначе требовалось донести и передать куда слѣдуетъ стойко и полностью. А когда весь этотъ искусь благополучно кончился, меня ждала другая радость: ни отецъ, ни мать на этотъ разъ не пріѣхали, чтобы везти меня въ Батурино, а только прислали за мной, какъ за взрослымъ, тѣмъ, вѣстася парой, которой правилъ молодой и смѣшливый работникъ, за дорогу быстро ставшій моимъ сердечнымъ другомъ. А въ Батуринѣ, — это была большая и довольно зажиточная деревня съ тремя помѣщичьими усадьбами, потонувшими въ садахъ, съ нѣсколькими прудами и просторными выгонами, — все уже цвѣло, зеленѣло, радовалось чудеснымъ днямъ конца мая, и я вдругъ ощутилъ, понять эту счастливую красоту, эту пышность и яркость зелени, полноводность прудовъ, озорство соловьевъ и лягушекъ, уже какъ юноша, съ чувственной полнотой и силой.

Лѣтомъ зачѣмъ-то женился братъ Николай, тѣмъ самымъ махнувъ на себя рукой, поставивъ крестъ на всѣхъ своихъ мечтахъ и надеждахъ, на всѣхъ своихъ способностяхъ и стремленіяхъ. Чѣмъ только не мечталъ онъ быть? Не дѣлѣ же предавался лишь одному — сладкому деревенскому бездѣлю да любовнымъ исторіямъ. Когда же и то, и другое наскучило, онъ вдругъ рѣшилъ жениться и женился — безъ любви, на дѣвушкѣ едва знакомой, на дочери простого нѣмца, управляющаго казеннымъ имѣніемъ въ селѣ Васильевскомъ... Думаю, что эта вполне нелѣпая женитьба, тотъ праздникъ, въ который она превратила для насъ все лѣто, мое участіе во

всемъ этомъ все-таки какъ бы любовномъ дѣлѣ, а затѣмъ присутствіе въ домѣ молодой женщины тоже много способствовало моему быстрому развитію.

А вскорѣ послѣ того неожиданно, — совершенно неожиданно, безъ всякаго предупрежденія, — явился въ Батурино братъ Георгій, и самъ за недѣлю передъ этимъ никакъ не чаявшій, что его освободятъ. Былъ ясный вечеръ, лучистое солнце мирно и весело скрывалось за дворовыми службами усадьбы, во дворѣ уже пахло холодящей травой, въ задумчивой вечерней красотѣ, какъ на старинной идиллической картинѣ, стоялъ нашъ старый домъ со своими сѣрыми деревянными колоннами и высокой крышей, всѣ сидѣли въ саду на балконѣ за чаемъ, а я спокойно направлялся по двору къ конюшнѣ сѣдлатъ себѣ лошадь и ѣхать кататься на большую дорогу, какъ вдругъ въ нашихъ деревенскихъ воротахъ показалось нѣчто совершенно необычное: городской извозчикъ! До сихъ поръ помню ту особенную острожную блѣдность, которой меня поразило знакомое и вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ какое-то новое, чужое лицо брата . . .

Это былъ одинъ изъ счастливейшихъ вечеровъ въ жизни нашей семьи и начало того мира, благополучія, которое въ послѣдній разъ воцарилось въ ней на цѣлыхъ три года передъ ея концомъ, разсѣяніемъ . . .

XVII.

Вѣка прошли, лицо всей земли измѣнилось съ тѣхъ поръ. Ни слѣда не осталось отъ Батурина, — хоть бы пустырь двора, хоть бы камень дома, хоть бы пенъ отъ сада! — и почти ни одной живой души изъ тѣхъ, что дѣлили со мной мои батуринскіе дни. И что было въ этихъ дняхъ удивительнаго? Ничего, кромѣ ихъ новизны для меня, кромѣ моей свѣжести, молодости. Міръ для юноши близорукаго, безъ слуха, безъ обонянія совсѣмъ другой, чѣмъ для здороваго. А я видѣлъ всѣ семь звѣздъ въ Плеядахъ, за версту

слышалъ свистъ сурка въ вечернемъ полѣ, пьянѣлъ отъ той остроты, съ которой вдыхалъ запахъ осенняго утра, зимней мятели, старой книги или ландыша . . . Правъ старый поэтъ:

Боженственна и несказанна
 Дней нашихъ первая весна,
 Одно свѣжо, благоуханно,
 Одно есть въ мѣрѣ — новизна!

И все росло, все обострялось во мнѣ радостное, чувственное ощущеніе этой новизны.

Съ нимъ я въѣхалъ въ Батурино послѣ экзаменовъ. съ нимъ проснулся на другой день, ѣлъ и пилъ за чаемъ, вышелъ на крыльцо, пошелъ по росистой травѣ въ конюшню къ своей Кабардинкѣ, увидалъ ея радостно загорѣвшійся сквозь сумракъ въ лучѣ солнца глазъ, услышалъ ея счастливое ржанье, обнялъ ея крѣпкую атласную шею, разговаривалъ съ работниками, возившими съ варка влажный, сладко-вонночій навозъ, смотрѣлъ на утреннюю майскую зелень, на бѣлый, густо-цвѣтущій садъ . . . Съ этимъ юношескимъ чувствомъ дѣлилъ я и поѣздки брата Николая къ его невѣстѣ въ Васильевское — вольный бѣгъ тройки въ предвечернее мирное время по проселкамъ, среди все густѣющихъ ржей, кукованье кукушки въ далекой березовой рощѣ, еще полной травы и цвѣтовъ, видъ причудливыхъ іюньскихъ облаковъ на золотомъ западѣ, вечерніе смѣшанные запахи села, его избъ, садовъ, рѣвки, винокуреннаго завода, кушаній, приготовляемыхъ къ ужину въ домѣ управляющаго, рѣзкіе, подмывающіе звуки аристана, на которомъ играли для насъ его младшія дочери, вестфальскіе пейзажи на стѣнахъ, огромные букеты черно-красныхъ піоновъ на столикахъ, все то веселое, нѣмецкое радушіе, которымъ окружали насъ въ этомъ домѣ, и все увеличивающуюся, родственную близость къ намъ той высокой, худощавой, некрасивой, но чѣмъ-то очень милой

дѣвушки, которая вотъ-вотъ должна была стать членомъ нашей семьи и уже говорила мнѣ ты . . .

Шаферомъ я еще не могъ быть, но и положеніе свадебнаго отрока, принятое мной на себя, уже не подходило ко мнѣ, когда я, затянутый въ новый блестящій мундиръ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ сіяющими глазами и напомаженный, надѣвалъ бѣлую атласную туфельку на ея ногу въ шелковомъ скользкомъ чулкѣ, а потомъ ѣхалъ съ ней въ каретѣ на могучей сѣрой парѣ въ Знаменье. Каждый день шли дожди, лошади несли, разбрасывая комья синей черноземной грязи, тучныя, пресыщенные влагой ржи клонили на дорогу мокрые сѣро-зеленые колосья, низкое солнце то и дѣло блистало сквозь крупный золотой ливень, — это, говорили, къ счастливому браку, — алмазно сверкающія дождевыми слезами стекла кареты были подняты, въ ея шелковой стеганой коробкѣ было тѣсно, и я съ упоеньемъ дышалъ свѣжестью духовъ цвѣсты, сладостью флердоранжа и всѣмъ тѣмъ чистымъ воздушнымъ, бѣлоснѣжнымъ, въ чемъ она тонула, глядѣлъ въ ея заплаканные счастливыя глаза и неловко держалъ въ рукахъ образъ въ золотой новой ризѣ, которымъ ее благословили. А во время вѣнчанія я впервые, но глубоко почувствовалъ то чудное, ветхозавѣтное, что есть въ этомъ радостномъ таинствѣ, которое особенно прекрасно въ деревенской церкви, подъ ея бѣдной, но торжественно зажженной люстрой, подъ нестройно-громкіе, ликующіе крики сельскаго клира, при открытыхъ на вечернее зеленѣющее небо дверяхъ, въ которыхъ тѣснится толпа восхищенныхъ, робѣющихъ бабъ и дѣвокъ . . . Когда-же то новое и какъ будто счастливое, что вошло въ нашъ домъ съ молодыми, завѣрилось неожиданнымъ пріѣздомъ брата и вся наша семья оказалась въ сборѣ и полномъ благополучіи, мысль о возвращеніи въ гимназію показалась мнѣ особенно нелѣпой.

Братъ однако очень отговаривалъ меня бросать ее. И, въ силу обожанія, которое все росло во мнѣ къ нему, я на нѣкоторое время — до святокъ — сдался. Я воротился

осенью въ городъ, опять сталъ ходить въ классы, но уроки едва просматривалъ и все чаще отказывался отвѣчать учителямъ, которые съ ядовитымъ и вѣжливымъ спокойствіемъ выслушивали мои ссылки на головную боль и съ наслажденіемъ, необыкновенно красиво ставили мнѣ единицы. Я все читалъ Карамзина, Соловьева, Костомарова, ходилъ, надѣвъ поддевку и длинные сапоги, по трактирамъ, по базарамъ, съ жадностью слушая мужицкіе и мѣщанскіе споры и бесѣды на торгу и за чаепитіемъ, шатался по окраинамъ города, наглядываясь на ихъ видъ и бытъ, встрѣчалъ и провожалъ поѣзда на станціи въ толкотнѣ и суетѣ пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ, не сводя глазъ съ ихъ несмѣтно разнообразныхъ лицъ, — особенно московскихъ, купеческихъ, и донскихъ, кавказскихъ, — завидовалъ тѣмъ, что спѣша и волнуясь, усаживались съ множествомъ вещей въ вагоны «дальняго слѣдованія», съ наслажденіемъ обонялъ густое и пахучее тепло люднаго буфета, въ которое то и дѣло врывался свѣжій холодъ изъ растворяемыхъ дверей, замиралъ, когда били звонки и огромный швейцаръ въ длинной ливреѣ, выйдя на середину залы, пѣлъ зычнымъ, величественнымъ басомъ, возглашалъ съ дорожной протяжностью, съ угрожаящей, строгой грустью, куда и какой поѣздъ отправляется . . . Такъ дожилъ я до святокъ. А какъ только получилъ отпускъ, сломя голову прибѣжалъ домой, въ пять минутъ собрался, едва простился съ Ростовцевыми и Глѣбочкой, — онъ еще долженъ былъ дожидаться лошадей изъ деревни, а я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, черезъ Васильевское, — схватилъ свой чемоданчикъ и, выскочивъ на улицу, кинулся въ мерзлыя, драныя санки перваго попавшагося извозчика. Шершавая кляча его подхватила со всѣхъ ногъ, санки неслись, съ грохотомъ разлетаясь въ стороны на раскатахъ, отшибая мнѣ память на ухабахъ, морозный вѣтеръ рвалъ поднятый воротникъ моей шинели, осыпая лицо острымъ снѣгомъ, городъ тонулъ въ мрачныхъ вьюжныхъ сумеркахъ, а у меня захватывало духъ

отъ радости. По случаю заносовъ, цѣлыхъ два часа я сидѣлъ, ждалъ на вокзалѣ, наконецъ дождался... Ахъ, эти заносы, Россія, ночь, мятель и желѣзная дорога! Какое это счастье — этотъ весь убѣленный, завѣянный снѣжной пылью поѣздъ, это жаркое вагонное тепло, уютъ, постукиванье какихъ-то молоточковъ въ раскаленной топкѣ, а снаружи морозъ и непроглядная вьюга, потомъ звонки, огни и голоса на какой-то станціи, едва видной изъ-за крутящагося и снизу и съ крышъ снѣжнаго дыма, а тамъ опять отчаянный крикъ паровоза куда-то во тьму, въ бурную даль, въ неизвѣстность и первый толчокъ вновь движущагося вагона, по мерзлымъ, играющимъ брилліантами окнамъ котораго проходитъ удаляющійся свѣтъ платформы — и снова ночь, глушь, бурань, ревъ вѣтра въ вентиляторѣ, а у тебя покой, тепло, полусвѣтъ фонаря за синей занавѣской, и все растущій, качающій, убаюкивающій на бархатномъ пружинномъ диванѣ бѣгъ и все шире мотающаяся на-вѣшалкѣ передъ дремотными глазами шуба!

Отъ нашей станціи до Васильевского было верстъ десять, а приѣхалъ я на станцію уже ночью и на дворѣ такъ несло и бушевало, что пришлось ночевать въ холодномъ, воняющемъ тусклыми керосиновыми лампами вокзалѣ, двери котораго хлопали въ ночной пустотѣ особенно гулко, когда входили и уходили закутанные, занесенные снѣгомъ, съ красными коптящими фонарями въ рукахъ, кондуктора товарныхъ поѣздовъ. А межъ тѣмъ и это было очаровательно. Я свернулся на диванчикѣ въ тамской комнатѣ, спалъ крѣпко, но поминутно просыпался отъ нетерпѣливаго ожиданія утра, отъ буйства вьюги и чихъ-то дальнихъ грубыхъ голосовъ, долетавшихъ откуда-то сквозь клокочущій, кипящій шумъ паровоза, съ открытымъ огнедышащимъ поддуваломъ стоявшаго подъ окнами, — и очнулся, вскочилъ при розовомъ свѣтѣ спокойнаго морознаго утра съ чисто звѣриной бодростью...

Черезъ часъ я былъ уже въ Васильевскомъ, сидѣлъ за кофе въ тепломъ и веселомъ домѣ нашего новаго род-

ственника Виганда, не зная куда дѣвать глаза отъ счастливаго смущенья: кофе наливала Анхень, его молоденькая племянница изъ Ревеля...

XVIII.

Прекрасна — и особенно въ эту зиму и для меня — была Батуринская усадьба. Снѣжно - сахарный, изрѣзанный по сугробамъ полозьями и синими тѣнями въ ихъ слѣдахъ, широкій проѣздъ между нею и сосѣдской усадьбой, древніе каменные столбы въѣзда во дворъ безъ воротъ, снѣжный уютный дворъ, тишина, солнце, въ чистомъ морозномъ воздухѣ мирный, сладкій запахъ чада изъ кухонь, что-то пріятное, домашнее, что есть въ слѣдахъ, пробитыхъ отъ поварской къ дсму, отъ людской къ варку, конюшнѣ и прочимъ службамъ, окружающимъ дворъ... Тишина и блескъ, бѣлизна снѣжныхъ толстыхъ крышъ, по зимнему низкій, утонувшій въ глубокихъ снѣгахъ, красновато чернѣющій голыми сучьями садъ, съ двухъ сторонъ видный за домомъ, наша завѣтная столѣтняя ель, поднимающая свою острую чернозеленую верхушку въ синее яркое небо изъ-за крыши дома, изъ-за ея крутого ската, подобнаго снѣжной горной вершинѣ, между двумя трубами, двумя спокойными розово-желтыми дымами... На пригрѣтыхъ солнцемъ фронтонахъ крылецъ сидятъ, пріятно жмутся монашенки-галки, обычно болтливыя, но теперь очень тихія; привѣтливо, щурясь отъ слѣпящаго, веселаго свѣта, отъ ледяной самоцвѣтной игры на снѣгахъ, глядятъ старинныя окна съ мелкими квадратами рамъ... Скрипя мерзлыми валенками по затвердѣвшему снѣгу на ступенькахъ, поднимаешься на главное, правое крыльцо, проходишь подъ его навѣсомъ, отворяешь тяжелую и черную отъ времени дубовую дверь, проходишь угрюмая, темныя длинныя сѣни... Въ лакейской съ большимъ грубымъ ларемъ у окна еще прохладно, синевато, — солнце въ ней не бываетъ, окно ея на сѣверъ, — но трещить, гу-

дуть, дрожить мѣдной заслонкой печь. Направо сумрачный коридоръ въ жилия комнаты, прямо напротивъ — высокія, тоже черныя дубовыя двери въ залъ. Въ залъ не всегда топятъ, -- тамъ просторъ, холодъ, стынуть на стѣнахъ портреты деревяннаго, темноликаго дѣдушки въ кудрявомъ парикѣ и курносаго, въ мундирѣ съ красными отворотами, императора Павла, довольно недружелюбно съ этихъ стѣнъ переглядывающіеся, и насквозь промерзасть куча какихъ-то другихъ старинныхъ портретовъ и шандаловъ, сваленныхъ въ маленькой, давно упраздненной буфетной, заглядывать въ полустеклянную дверку которой было въ дѣтствѣ такимъ таинственнымъ наслажденіемъ. Однако въ залѣ все залито солнцемъ и на гладкихъ, удивительныхъ по ширинѣ половицахъ огнемъ горятъ, плавятся лиловыя и гранатовыя пятна — отраженія верхнихъ цвѣтныхъ стесколъ. Окна тоже высоки. Въ окноhalbе, боковое, тоже на сѣверъ, лѣзутъ черныя сучья громадной липы, а въ тѣ солнечныя, что противъ дверей, виденъ садъ въ сугробахъ. Впрочемъ среднее окно все занято высочайшей елью, той, что глядитъ даже между трубами дома: за этимъ окномъ пышными рядами висятъ ея архіерейскіе оснѣженные рукава . . . Какъ несказанно хороша была она въ морозныя лунныя ночи! Войдешь -- огня въ залъ нѣтъ, только ясная луна въ высотѣ за окнами. Залъ пусть, величавъ, полонъ словно тончайшимъ дымомъ, а она, густая, въ своемъ хвойномъ траурномъ отъ снѣга облаченіи, царственно высится за стеклами, уходитъ остресмъ въ чистую, прозрачную и бездонную куполообразную синеву, гдѣ бѣлѣтъ, серебрится широко раскинутое созвѣздіе Оріона, а ниже, въ свѣтлой пустотѣ небосклона, остро блещетъ, содрогается лазурными алмазами великолѣпный Сиріусъ, любимая звѣзда матери . . . Сколько бродилъ я въ этомъ лунномъ дымѣ, по длиннымъ тѣневымъ рѣшеткамъ отъ оконъ, лежавшимъ на полу, сколько юношескихъ думъ передумалъ, сколько разъ твердилъ вельможно-гордыя державинскія строки:

На темноглубомъ эфирѣ
 Златая плавала луна . . .
 Сквозь окна домъ мой озаряла
 И палевымъ своимъ лучемъ
 Златыя стекла рисовала
 На лаковомъ полу моемъ . . .

Прекрасны были и тѣ новыя чувства, съ которыми я провелъ мою первую зиму въ этомъ домѣ. Она вся прошла въ прогулкахъ и безконечныхъ разговорахъ съ братомъ Георгіемъ, необыкновенно быстро развивавшихъ меня, въ поѣздкахъ въ Васильевское и за чтеніемъ поэтовъ державинскихъ и пушкинскихъ временъ. Въ батуринскомъ домѣ книгъ почти не было. Но вотъ я сталъ ѣздить въ Васильевское, въ усадьбу нашей двоюродной сестры по отцу, стоявшую на горѣ противъ того казеннаго имѣнія съ винокурненнымъ заводомъ, гдѣ былъ управляющій Вигандъ. Сестра была замужемъ за помѣщикомъ Писаревымъ, и мы много лѣтъ не бывали у нея въ домѣ — старикъ Писаревъ, ея свекоръ, былъ, въ полную противоположность своему сыну, чловѣкъ необыкновенно серьезный, съ которымъ отецъ, разумѣется, быстро поссорился. Въ этомъ году сношенія между нашими домами возобновились, такъ какъ старикъ умеръ, и я получилъ полную возможность распоряжаться всей той библіотекой, которую онъ собралъ за свой долгій вѣкъ. Отъ страсти читать ради чтенія, читать что попало и запоемъ меня Богъ избавилъ. Но въ этой библіотекѣ оказалось множество чудеснѣйшихъ томиковъ въ толстыхъ переплетахъ изъ темно-золотистой кожи съ золотыми звѣздочками на корешкахъ — Сумароковъ, Анна Бунина, Державинъ, Батюшковъ, Жуковский, Веневитиновъ, Языковъ, Козловъ, Баратынскій . . . Какъ восхитительны были ихъ романтическія виньетки, — лиры, урны, шлемы, вѣнки, — ихъ шрифтъ, ихъ шершавая, чаще всего синеватая бумага и, больше всего, чистая, стройная кра-

сота, благородство, высокій строй всего того, что было на этой бумагѣ напечатано! Былъ тутъ и Пушкинъ въ изданіи тридцать седьмого года, совсѣмъ какъ будто не тотъ, что въ нынѣшнихъ изданіяхъ... И не могу выразить, съ какой радостью вспоминаю я свои батуринскіе годы и особенно эту зиму прежде всего въ силу тѣхъ радостей, что мнѣ давали эти томики! Съ ними я пережилъ всѣ первыя юношескія мечты, первые восторженные подъемы духа, первую полную жажду писать самому, первыя попытки утолить ее — и, главное, сладострастіе воображенія. Я теперь предавался ему и всѣмъ тѣмъ чувствамъ, которыя оно вызывало, особенно неистово, и оно было поистинѣ чудодѣйственно. Если я читалъ: «На брань летитъ пѣвецъ молодой», или «Шумы, шуми съ крутой вершины, не умолкай, потокъ сѣдой», или «Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду, на утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду», я такъ-видѣлъ и чувствовалъ и этого пѣвца, и потокъ, и зеленыя волны, и морское утро, и натую Нереиду, что мнѣ хотѣлось пѣть, кричать, смѣяться, плакать... Дивлюсь младенчеству, ничтожеству того, что выходило изъ подъ моего собственнаго пера въ это же самое время!

И прекрасна была моя первая влюбленность, мирно и радостно длившаяся всю зиму. Анхень была простенькая, молоденькая дѣвушка, только и всего. Но въ ней-ли было дѣло? Была она кромѣ того неизмѣнно весела, ласкова, очень добра, искренно и простодушно говорила мнѣ: «Вы мнѣ, Алешенька, очень нравитесь, у васъ горячія и чистыя чувства!» Загорѣлись эти чувства, конечно, мгновенно. Я вспыхнулъ при первомъ же взглядѣ на нее, — какъ только она, во всей свѣжести своей нѣмецкой чистоты, нѣсколько затѣйливаго розоваго платица и юной миловидности, вышла ко мнѣ, насквозь промерзшему за дорогу со станціи, въ вигандовскую столовую, розово озаренную утреннимъ зимнимъ солнцемъ, и стала наливать мнѣ горячаго кофе. Едва я пожалъ ее еще холодные отъ воды и пахучіе миндальнымъ мыломъ пальчики, сердце во мнѣ

тотчасъ-же дрогнуло и рѣшило: вотъ оно! И я уѣхалъ въ Батурино, уже вполне увѣривъ себя, — и не безъ основанія, — что я влюбленъ. Богъ знаетъ только, зачѣмъ я тотчасъ-же началъ стараться усилить въ себѣ эту влюбленность и даже придать ей нѣчто мучительное — изъ этого все равно ничего не вышло. Правдиво было только то удовольствіе и нетерпѣніе, съ которымъ я поминутно вспоминалъ, что на второй день святокъ Виганды должны дрѣхаться къ намъ. И вотъ они прѣехали, сразу наполнивъ весь домъ своимъ шумнымъ нѣмецкимъ весельемъ, безпричиннымъ смѣхомъ, шутками и всѣмъ тѣмъ особенно праздничнымъ, что вносятъ гости въ деревнѣ, зимой, съ морозу сбрасывая въ прихожей пахучія холодныя шубы, ботинки и валенки. Я торжественно писалъ вскорѣ послѣ того въ своемъ дневникѣ: «Предчувствіе мое сбылось, — я люблю и любимъ!» Думаю, однако, что и безъ предчувствія было бы то же самое. А было то, что вечеромъ подѣхали и другіе гости и всѣ, кромѣ старшихъ, рѣшили, разумѣется, ѣхать ряжеными по сосѣдскимъ усадьбамъ. Шумно нарядились во что попало, — больше всего мужиками и бабами, — мнѣ круто завили волосы, нарумянили, напудрили лицо, подрисовали жженой пробкой черные усики, — и гурьбой высыпали на крыльцо, возлѣ котораго уже стояло въ темотѣ нѣсколько саней и розвальней, разсѣлись и, смѣясь, крича, подъ звонъ колокольчиковъ, шибко понеслись, разрѣзая свѣжіе сугробы, со двора. И конечно, я очутился въ розвальняхъ съ Анхень... Какъ забыть этотъ ночной, зимній звонъ колокольчиковъ, эту влудую зимнюю ночь въ глухомъ снѣжномъ полѣ, то необыкновенное, зимнее, сѣрое, мягкое, зыбкое, во что сливаются въ такую ночь снѣга съ низкимъ небомъ, межъ тѣмъ какъ впереди все чудятся какіе-то жуткіе огоньки, какъ-бы глаза какихъ-то невѣдомыхъ, ночныхъ, зимнихъ порожденій, этотъ свѣжій, снѣжный ночной воздухъ, бодрый холодокъ подъ енотовой шубой сквозь тонкіе сапоги и легкіе шаровары изъ синяго ситца — и впервые въ

жизни взятую въ свои молодья горячія руки вынутую изъ мѣховой перчатки, маленькую и теплую дѣвичью руку, такую неожиданно дружественную, покорную, и уже отвѣтно, любовно мерцающіе сквозь сумракъ дѣвичьи глаза! Ничто и никогда за всю жизнь не поразило меня такъ, какъ нашъ первый, неловкій поцѣлуй въ эту сѣрую, снѣжную зимнюю ночь...

XIX.

А потомъ пришла весна, самая необыкновенная во всей моей жизни — и не только потому, что это была первая весна, которую я встрѣчалъ въ деревнѣ взрослымъ... И вотъ какъ началась она.

Помню какъ сейчасъ — я сидѣлъ въ дѣтской, выходившей окномъ во дворъ. Было часовъ пять солнечнаго мартовскаго вечера. Солнце, уже совсѣмъ низкое, готовое скрыться за сосѣдской усадьбой напротивъ, зимнее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весеннее, общающее впереди безконечные дни радости, ослѣпительнымъ золотымъ потокомъ лилось въ окно вмѣстѣ съ золотымъ, зеленоватымъ лоскомъ за послѣднее время уже подтаявшаго снѣжнаго двора. Я случайно зашелъ въ дѣтскую съ книжкой Тургенева, сѣлъ на теплую лежанку и зачитался. Неожиданно, застегивая романовскій полушубокъ, вошелъ съ обычной своей бодростью отецъ, — усы у него были теперь уже сѣдые, но онъ попрежнему держался молодцемъ, — и сказалъ:

— Нарочный изъ Васильевского. Съ Писаревымъ что-то вродѣ удара, — шелъ по залу и вдругъ грохнулся въ обморокъ. Сейчасъ ѣду туда, — хочешь со мной?

Я поднялся, пораженный и этимъ извѣстіемъ, и счастьемъ неожиданно попасть въ Васильевское, увидѣть Анхень, и мы тотчасъ-же поѣхали. Къ удивленію нашему, Писаревъ былъ какъ бы ни въ чемъ не бывало, здоровъ и веселъ, самъ дивился и не понималъ, что такое съ нимъ

было «А ты все таки пей-то поменьше», сказалъ ему отецъ на другой день на прощанье въ прихожей. «Пустяки!» отвѣтилъ Писаревъ, усмѣхаясь своими цыганскими глазами, помогая отцу надѣть полушубокъ, — какъ сейчасъ вижу его, стройнаго, смуглаго, чернобородаго, въ шелковой красной косовороткѣ на выпускъ, въ черныхъ легкихъ шароварахъ и красныхъ, шитыхъ серебромъ чувакахъ. Мы спокойно воротились домой, а тутъ вскорѣ пошла полая вода, такая спорая и буйная, что наше сообщеніе съ Васильевскимъ недѣли на двѣ совсѣмъ прервалось. На первый день Пасхи стало совсѣмъ сухо, зазеленѣли лозинки и выгоны, мягко и приятно застѣрѣли освѣбоджденные поля и перелѣски. Мы всѣ, кромѣ Оли и матери, собрались ѣхать въ Васильевское и уже вышли садиться въ тарантасъ, — какъ вдругъ въ воротахъ показалась лошадь, за ней бѣговья дрожки, а на нихъ нашъ двоюродный братъ Петръ Петровичъ Арсеньевъ.

— Христосъ Воскресе, — сказалъ онъ, подѣзжая, съ какимъ-то преувеличеннымъ спокойствіемъ. — Вы въ Васильевское? Какъ нельзя болѣе во время. Писаревъ приказалъ долго жить. Проснулся нынче, вошелъ къ сестрѣ, похристосовался, потомъ внезапно сѣлъ въ кресло, уронилъ голову — и каюкъ . . .

Писарева только что обмыли и убрали, когда мы вошли въ его домъ. Онъ лежалъ, являя обычную картину покойника, только что положеннаго на столъ, — картину, поражающую еще только своей странностью, — въ томъ самомъ залѣ, гдѣ двѣ недѣли тому назадъ онъ стоялъ и улыбался на порогъ, шурясь отъ вечерняго солнца и своей папирсы. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, — до сихъ поръ вижу ихъ лиловато-смуглую выпуклость, — но пока совсѣмъ какъ живой, съ великолѣпно расчесанными, еще мокрыми смольными волосами и такой-же бородой, въ новомъ сюртукѣ, въ крахмальной рубашкѣ, съ хорошо завязаннымъ чернымъ шелковымъ галстукомъ, по поясъ прикрытый простыней, подъ которой обозначались его

прямо стоящія связанныя стулны. Я спокойно и тупо глядѣлъ на него, даже пробовалъ его лобъ и руки,—они были почти теплы... Къ вечеру однако все очень измѣнилось. Я уже вышелъ изъ своей тупости, понималъ, что случилось, и самъ не свой вошелъ въ залъ, когда позвали на первую панихиду. Картина, представившаяся мнѣ, была дѣйствительно ужасна. Въ окна зала еще алѣлъ надъ дальними полями темный весенній закатъ, но сумерки, поднимавшіяся съ темной рѣчной долины, съ темныхъ сырыхъ полей, со всей темной холодѣющей земли, снизу затопляли его все гуще, въ темномъ залѣ, полномъ народу, было мутно отъ ладана, и сквозь эту темноту и муть у всѣхъ въ рукахъ золотисто горѣли восковыя свѣчки, а изъ-за высокихъ церковныхъ свѣчей, дымившихъ вокругъ смертнаго одра краснымъ пламенемъ, зловѣще звучали возгласы священнослужителей, странно смѣнявшіеся радостно и беззаботно настойчивымъ, полнымъ свѣтлой весенней грусти «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смерть поправъ...» И я то пристально смотрѣлъ впередъ, гуда, гдѣ въ дымномъ блескѣ и сумракѣ тускло и уже страшно мерцалъ какъ-то скорбно-понижшій, потемнѣвшій за день ликъ покойника, то съ горячей нѣжностью, съ чувствомъ единственнаго спасительнаго прибѣжища, находилъ въ толпѣ личико тихо и скромно стоявшей Анхень, тепло и невинно озаренное огонькомъ свѣчи снизу...

Ночь я спалъ тревожно и скорбно, одолѣваемый все одними и тѣми же противоестественно яркими и безпорядочными видѣніями какого-то суетливаго многолюдства, жутко и таинственно связаннаго съ тѣмъ, что случилось: всѣ поспѣшно — и, что всего ужаснѣе, какъ будто подъ молчаливымъ руководствомъ самого покойника — ходили по всѣмъ комнатамъ, что-то другъ другу торопливо совѣтовали, перетаскивали столы, кресла, кровати, комоды... Утромъ я вышелъ на крыльцо какъ пьяный. Утро было тихое, теплое, ясное. Солнце пригрѣвало сухое крыльцо, жарко и нѣжно зеленѣющій дворъ, еще низкій, сквозной, од-

нако уже по весеннему сѣрѣющей въ мягкомъ блескѣ садъ. Но я вдругъ взглянулъ вокругъ — и съ ужасомъ увидалъ совѣтъ рядомъ съ собой длинную, стоямя прислоненную къ стѣнѣ новую темнофіолетовую крышку гроба. Я сбѣжалъ съ крыльца, ушелъ въ садъ, долго ходилъ по сего нагимъ, свѣтлымъ и теплымъ аллеямъ, сѣлъ въ дальней аллеикѣ низкорослой акаціи на скамейку... Пригрѣвало все теплѣе, пѣли зяблики, желтѣла нѣжно и весело опушившаяся акація, сладко и больно умилялъ душу запахъ земли, молодой травы, однообразно, важно и торжествующе, не нарушая кроткой тишины сада, орала грачи вдали на низахъ, на старыхъ березахъ, тамъ, гдѣ въ оливковый весенній дымокъ сливалась еще голая ивовая поросль... И во всемъ была смерть, смерть, смѣшанная съ вѣчной, милой и безцѣльной жизнью! Почему-то вдругъ вспомнилось начало «Вильгельма Телля», — я передъ тѣмъ все читалъ Шиллера: горы, озсро, плыветъ и поетъ рыбакъ... И въ душѣ моей вдругъ зазвучала какая-то столь сладкая, радостная, вольная пѣсня далекихъ счастливыхъ странъ и мнѣ стало такъ горько жаль себя, своей весны, молодости, что я вскочилъ и внѣ себя побѣжалъ въ домъ, къ отцу, къ братьямъ...

Какъ въ непроходимомъ хмелю провелъ я и весь день, все время державшій въ непрестанномъ напряженіи: опять были панихиды, опять многолюдство, пріѣзжающіе и уѣзжающіе сосѣди, безконечное христосованье, горестныя изумленія, несмѣлая и все-таки жадная выпивка и закуска, а тамъ гдѣ-то, въ затворенной со всѣхъ сторонъ солнечной дѣтской, беззаботныя игры ничего еще не понимающихъ, не желающихъ понимать дѣтей, подъ скорбнымъ и ласково невнимательнымъ присмотромъ то и дѣло тихо плачущей няньки...

И вотъ опять стало смеркаться и опять стали не снѣша сходиться, собираться, ждать съ притворнымъ грустнымъ смиреньемъ новой панихиды, толпиться въ залѣ, осторожно переговариваться... Приходъ священнослужителей и

вслѣдъ за тѣмъ воцарившееся молчаніе, зажиганіе свѣчей и облаченіе въ этой тишинѣ, все это таинственно-церковное приготовленіе къ службѣ, а потомъ первый взмахъ каддила и первый возгласъ — все это показалось мнѣ теперь, въ этотъ послѣдній для покойника вечеръ, столь многозначительнымъ и торжественнымъ, что у меня земля ползла подъ ногами, и я уже глазъ не могъ поднять на то, что было впереди, на этотъ пышный, бархатный гробъ, воздвигнутый на составленные столы, и на то церковно-страшное, картинно-погребальное, что наклонно возвышалось въ гробу во всемъ зловѣщемъ великолѣпнн своего золотого покрова, золотой иконки на груди и новой, жестко-бѣлой подушки, --- во всей сумрачной тѣмѣ непробуднаго гробового сна этого чернобородаго лика съ занавшими и почернѣвшими вѣками, металлически лоснящагося сквозь теплый, душный дымъ и горячій, дрожащій блескъ...

На ночь намъ съ братомъ Георгіемъ опять постелили въ его бывшемъ кабинетѣ. Двери въ опустѣвшій, еще полный ладана залъ, гдѣ негромко и однообразно читалъ подъ нагорѣвшими свѣчами дячокъ, затворили со всѣхъ сторонъ, домъ наконецъ затихъ, успокоился. Братъ, немного поговоривъ со мной, потушилъ свѣчу и вскорѣ заснулъ. Но я отъ тоски и страха даже не могъ раздѣться, легъ не раздѣваясь и, какъ только тоже дунулъ на свѣчу и на мигъ забылся, тотчасъ же увидалъ себя въ залѣ — и въ дикомъ ужасѣ очнулся. Я сѣлъ и съ бьющимся сердцемъ сталъ смотрѣть въ темноту, слушать малѣйшій шорохъ. Все было необыкновенно, страшно тихо, — слышалось только отдаленное, невнятное чтение въ залѣ, — но я каждую секунду ждалъ, что вотъ-вотъ скрипнетъ половица, безшумно отворится дверь - - и я увижу въ темнотѣ его, во весь его высокій ростъ, съ закрытыми глазами и во всемъ его гробовомъ облаченіи. И вмѣстѣ съ этимъ ужасомъ душу мою разрывала еще и несказанная тоска, невыразимое отчаяніе... Я сдѣлалъ надъ собой крайнее

усиліе, скинулъ ноги съ дивана, распахнулъ дверь кабинета, на цыпочкахъ перебѣжалъ темный корридоръ и прильнулъ ухомъ къ двери, подъ которой свѣтилось изъ за-ла:

— Господь царствуетъ. Онъ облеченъ величіемъ, облеченъ Господь могуществомъ, — негромко, деревянно и поспѣшно говорилъ за дверью дьячокъ. — Возвышаютъ рѣки, Господи, возвышаютъ рѣки голосъ свой, возвышаютъ рѣки волны свои... Въ началѣ Ты основалъ землю, и небеса — дѣло рукъ Твоихъ... Они погибнуть, а Ты пребудешь, и всѣ они, какъ риза обветшаютъ и, какъ одежду, Ты перемѣнишь ихъ. Да будетъ Господу слава во вѣки, да веселится Господь о дѣлахъ Своихъ!

Дрожь восторженныхъ слезъ охватила меня, и я быстро и неловко пошелъ по темному корридору и черезъ темную заднюю прихожую и сѣни выбрался на заднее крыльцо. Сбѣжавъ съ него, я обошелъ домъ и остановился среди двора. Было темно и какъ-то особенно, какъ бываетъ только ранней весной, чисто, свѣжо, тихо. Земля слегка подмерзла, была тугая. Какое-то тончайшее и чистѣйшее дыханіе чуть серебрилось между землей и чистымъ звѣзднымъ небомъ. Въ тишинѣ, вдали, мѣрно и глухо шумѣла въ долинѣ весенняя рѣка. Я посмотрѣлъ въ темноту за долину, на противоположную гору, — тамъ, въ домѣ Виганда, одиноко краснѣлъ, свѣтился поздній огонекъ:

— Это она не спитъ, — подумалъ я. — Возвышаютъ рѣки голосъ свой, возвышаютъ рѣки волны свои, — подумалъ я, — и огонекъ вдругъ лучисто задрожать у меня въ глазахъ отъ новыхъ слезъ — слезъ счастья, любви, надеждъ и какой-то почти изступленной, ликующей нѣжности.

Ив. Бунинъ.